МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ

РИТОРИЧЕСКИХЪ НАСТАВЛЕНІЙ.

Переведены съ Латинскаго

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Александромъ Никольскимъ

и оною Академіею изданы.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1834.

МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

НАСТАВЛЕНІЯ

ВЪ ПОЛЬЗУ

УЧАЩИМЪ И УЧАЩИМСЯ КРАСНОРѢЧІЮ.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Сія послѣдняя часть изъ всѣхъ самая труднѣйшая. Въ ней изложится не только о родѣ Краснорѣчія, но и о нравахъ Оратора.

Наконецъ приступаю къ части предположеннаго труда, гораздо важнѣйшей. Если бы я при самомъ началѣ могъ вообразить бремя, тяжесть коего теперь чувствую, то заранѣе измѣрилъ бы силы свои. Но сперва удержалъ меня стыдъ не исполнить обѣщаннаго: потомъ, хотя при каждой почти части трудъ мой усугублялся, однако при всѣхъ затрудненіяхъ подкрѣплялся я духомъ, дабы не лишиться плода отъ того, что уже совершено мною. По чему и нынѣ, хотя належитъ тягчайшее прежняго бремя, но прибли-

жаясь къ концу, разсудилъ я лучше пасть подъ онымъ, нежели отчаяться.

Обмануло меня то, что я началъ сочиненіе со статей неважныхъ и легкихъ: потомъ, какъ будто попутнымъ вѣтромъ увлеченъ будучи далѣе, писалъ только извѣстныя и многими другими Риторами изложенныя правила; я видѣлъ себя еще не совсѣмъ удалившимся отъ берега, и куда иные многіе тѣмъ же путемъ плыть осмѣливались. Когда же приступилъ къ изъясненію новѣйшаго способа Краснорѣчія, на что весьма малое число Ораторовъ покушалось, то нашелъ, что рѣдко кто удалялся отъ пристаница. А когда Ораторъ, для котораго писалъ я наставленія, пересталъ уже имѣть нужду въ наставникѣ, или началъ поддерживаться собственными силами, и искать большей себѣ помощи въ самыхъ источникахъ мудрости, тогда почувствовалъ я, сколь далеко унесся я въ открытое море, и могу теперь сказать:

И зрѣлось море лишь и небеса едины. (5. Аеп. 9.)

На семъ неизмѣримомъ пространствѣ представляется мнѣ одинъ только М. Туллій, который однакожъ и самъ, хотя на добромъ и исправно снаряженномъ кораблѣ вступилъ въ сіе море, опускаетъ здѣсь паруса, подбираетъ весла, и довольствуется однимъ показаніемъ рода Краснорѣчія, какое потребно для совершеннаго Оратора.

Мое же дерзновеніе простирается далѣе: я хочу ему дать нравы, предписать должности. Такимъ образомъ, хочу сравниться съ моимъ предшественникомъ, но поступлю еще далѣе, поелику требуетъ сего мѣра моего предположенія. Впрочемъ, желаніе совершить что-либо доброе всегда похвально, и изъ всѣхъ смѣлыхъ начинаній есть самое безопасное то, за неисполненіе котораго можно надѣяться благосклоннаго извиненія.

ГЛАВА I.

НЕ МОЖНО БЫТЬ ИСТИННЫМЪ ОРАТОРОМЪ, НЕ БЫВЪ ЧЕСТНЫМЪ ЧЕЛОВѢКОМЪ.

I. Многими доказательствами утверждаетъ, что Ораторъ долженъ быть вмѣстѣ и честный человѣкъ. II. Опровергаетъ примѣры противнаго въ Димосоенѣ и Цицеронѣ. III. Продолжаетъ доказывать, что самый краснорѣчивый человѣкъ безъ добродѣтели не есть Ораторъ. IV. Отвѣтствуетъ тѣмъ, кои возражаютъ ему, что онъ самъ преподаетъ правила говорить вопреки истинѣ.

I. Итакъ Ораторъ, наставляемый нами, да будетъ таковъ, каковымъ опредѣляетъ его М. Катонъ, то есть, *мужъ честный, въ словѣ искусный.* То, что ставитъ Катонъ выше всего, есть само по себѣ велико и почтенно, т. е. *мужъ честный*, не потому только, что, если бы искуство въ словѣ служило орудіемъ для людской злости, то для дѣлъ общественныхъ и частныхъ не было бы ничего гибельнѣе краснорѣчія: но и

мы сами, стараясь по возможности способствовать усовершенію сей способности, сдѣлали бы бѣдственную услугу роду человѣческому, если бы опредѣляли, готовили сіе оружіе разбойнику, а не воину. Что я говорю, мы? Самая природа въ томъ, чѣмъ наиболѣе, кажется, благопріятствовала человѣку, была бы мачихою, не матерію, если бы даръ слова дала для поддержанія злодѣянія, для угнетенія невинности, для попранія истины. Ибо лучше было бы родиться нѣмыми и вовсе безсмысленными, нежели обращать дары божественнаго Промысла на взаимную нашу пагубу.

Сіе мое сужденіе простираю далѣе, и не только утверждаю, что Ораторъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ, но что и Ораторомъ быть не можно, не бывъ человѣкомъ честнымъ. И дѣйствительно, какъ назвать умными тѣхъ, кои, видя предъ собою путь къ добру и ко злу, захотѣли лучше избрать худшій? Какъ почесть благоразумными, кои добровольно подвергаютъ себя жесточайшимъ часто отъ законовъ, а отъ порочной совѣсти всегда неразлучнымъ наказаніямъ, не размысливъ о послѣдствіи своихъ поступковъ? Ежели не только по словамъ мудрыхъ, но и по обще принятому всѣми мнѣнію, никто не можетъ быть злымъ, не бывъ безсмысленнымъ, то

безсмысленный человѣкъ никогда не будетъ Ораторомъ.

Прибавьте еще, что разумъ можетъ заниматься исполненіемъ толь благороднаго дѣла не иначе, какъ будучи чуждъ всѣхъ пороковъ. И сіе вопервыхъ потому, что въ одномъ и томъ же сердцѣ нѣтъ сообщенія честнаго съ порочнымъ; и помышлять о добрѣ и злѣ вмѣстѣ, столько же невозможно, сколько одному и тому же человѣку быть добрымъ и злымъ въ одно время. Вовторыхъ, по той причинѣ, что мысль, устремленная на толь важное дѣло, должна уже быть свободна и отъ самыхъ невинныхъ попеченій. Ибо тогда, не будучи развлечена ничѣмъ посторонним, займется она единственно своимъ предметомъ. И въ самомъ дѣлѣ, ежели излишняя страсть къ земледѣлію, непрерывное попеченіе о дѣлахъ домашнихъ, пристрастіе къ охотѣ или къ театру, много препятствуютъ ученымъ упражненіямъ; ибо время, употребляемое на одно занятіе, отнимается отъ другаго: то что сказать о сильныхъ движеніяхъ душевныхъ, о честолюбіи, любостяжаніи, ненависти, которыя не даютъ покоя ни днемъ, ни ночью, и даже во снѣ возмущаютъ воображеніе? Ибо нѣтъ ничего безпокойнѣе, ничего перемѣнчивѣе, и ничто столь различными движеніями не волнуется, какъ душа порочная. И когда замышляетъ злодѣяніе, то надеждою, забо-

тою, неизвѣстностію попеременно развлекается; и когда совершитъ злодѣяніе, мучится безпокойствомъ, раскаяніемъ и страхомъ заслуженнаго наказанія. Посреди всего сего какое можетъ быть мѣсто для изящныхъ наукъ и художествъ? По истинѣ такое же, какъ для плодовъ на землѣ, терніемъ и волчцемъ поросшей.

При ученыхъ упражненіяхъ не потребна ли умѣренность? Но чего ожидать можно отъ человѣка, преданнаго сластолюбію и роскоши? Желаніе похвалы не есть ли особеннымъ побужденіемъ къ пріобрѣтенію успѣховъ въ наукахъ? Но злые дорожатъ ли похвалою? Кто не знаетъ, что большая часть Ораторской рѣчи основывается на честномъ и справедливомъ? Но можетъ ли съ должнымъ достоинствомъ говорить о томъ человѣкъ злый и несправедливый?

Наконецъ, для сокращенія подобныхъ сужденій, предположимъ, ибо сіе на самомъ дѣлѣ быть не можетъ, предположимъ, что самый дурный человѣкъ имѣетъ столько же ума, столько же раченія и столько же свѣденій, какъ и человѣкъ самый честный: кого изъ нихъ назовешь лучшимъ Ораторомъ? Безъ сомнѣнія, того, который лучше нравами. Слѣдовательно злый человѣкъ не можетъ быть вмѣстѣ и совершеннымъ Ораторомъ. Ибо то еще не есть совершенно, когда есть что нибудь лучше.

Но дабы не показать, что мы, по примѣру учениковъ Сократа, сами на вопросы свои выискиваемъ отвѣты, пусть кто-либо, вопреки очевидной истины, осмѣлится утверждать, что человѣкъ злый съ тѣмъ же умомъ, съ тѣмъ же раченіемъ и способностями, какія имѣетъ честный человѣкъ, отнюдь не будетъ худшимъ Ораторомъ. Докажемъ, обнаружимъ нелѣпость такого мнѣнія. Ибо не льзя спорить, что всякой Ораторъ старается представить судьѣ дѣло свое въ видѣ честномъ и справедливомъ. Кто же скорѣе увѣритъ въ томъ можетъ, человѣкъ добрый или злый? Безъ сомнѣнія, добрый: онъ чаще прибѣгать будетъ къ истинѣ и честности. И даже тогда, когда заставятъ обстоятельства (что иногда случиться можетъ, какъ мы покажемъ вскорѣ) утверждать и ложное, судья принужденъ будетъ слушать его съ большею довѣренностію. Человѣкъ же безчестный, изъ небреженія къ честному имени и по неимѣнію понятія о справедливости, нерѣдко оставляетъ и нужное притворство: и потому предлагаетъ безъ скромности, и безъ стыда утверждаетъ. А отъ сего въ томъ, чего доказать совсѣмъ не можно, послѣдуетъ постыдное упрямство и трудъ безполезный. Ибо такіе люди, какъ во всемъ поведеніи, такъ и въ дѣлахъ судныхъ, питаются нелѣпыми и суетными надеждами. И часто случается, что

имъ не вѣряшъ и шогда, когда говоряшъ они правду, и шаковый сшряпчій подаешъ худое мнѣніе о самомъ дѣлѣ, кошорое защищашь берешся.

II. Теперь мнѣ слѣдуешъ ошвѣчашь на шѣ возраженія, какими сшараюшся наперерывъ опровергашь мое мнѣніе. По эшому, говоряшъ, Димосѳенъ не былъ Орашоръ? А онъ былъ, какъ сказываюшъ, человѣкъ не совсѣмъ чесшный. Также и Цицеронъ не Орашоръ? А многіе порицаюшъ и его нравсшвенносшь.

Чшо мнѣ дѣлашь? Надобно многихъ оскорбишь моимъ ошвѣшомъ; но упошребимъ возможную умѣренносшь. Я ни Димосѳена не нахожу сшолько заслуживающимъ порицанія за худые нравы, чшобы могъ повѣришь всему, чшо разглашали объ немъ непріяшели его, когда чишаю въ Исшоріи знаменишыя заслуги его, оказанныя ошечесшву, и славную кончину жизни его. Ниже въ Туллiѣ не вижу недосшашка ревносши и усердія, какія шребуюшся ошъ самаго лучшаго гражданина. Свидѣшельсшвуюшъ о семъ знаменишое Консульсшво, безпорочное управленіе провинціею, ошреченіе Двадцашивирашсшва, поведеніе въ междоусобныхъ войнахъ, съ великимъ осшервененіемъ въ его время происходившихъ, неизмѣнная ни сшрахомъ, ни надеждою, приверженносшь къ справедливой сшоронѣ, шо есшь, ко благоденсшвію Республики. Иные почишаюшъ его малодушнымъ:

онъ самъ отвѣчаетъ таковымъ, что былъ боязливъ только тогда, когда надлежало предвидѣть опасность, а не тогда, какъ противостать ей надлежало; сему доказательствомъ служитъ самая смерть его, твердостію и великодушіемъ ознаменованная.

А что въ мужахъ сихъ не было совершенной добродѣтели, отъ чего родится вопросъ, должно ли почитать ихъ Ораторами, я отвѣтствую также, какъ Стоики, когда у нихъ спрашиваютъ, кого почитать мудрымъ, Зенона, Клеанѳа или Хрисиппа, отвѣтствуютъ, что хотя всѣ они мужи великіе и уваженія достойные, однако того совершенства, которое есть выше природы человѣческой, не достигли. Ибо и Пиѳагоръ хотѣлъ называться не мудрецомъ, какъ дѣлали его предшественники, а любителемъ мудрости.

Однако я, сообразуясь принятому вообще обыкновенію выражаться, часто называлъ и буду называть Цицерона совершеннымъ Ораторомъ, какъ честными и умными называемъ друзей своихъ; каковыя качества совершенно приличествуютъ только одному мудрому.

Но если надобно говорить собственно и по самой точной истинѣ, я буду тогда искать такого Оратора, какого искалъ и Цицеронъ. Признаюсь, что никого не было краснорѣчивѣе. Я не нахожу почти у него ни въ чемъ недостатка,

а еще иное, по мнѣнію моему, и убавлено быть могло: (ибо такъ почти судили Ученые; они находятъ въ немъ весьма много превосходныхъ качествъ и нѣсколько пороковъ: да онъ и самъ признается, что довольно поубавилъ юношескаго обилія въ своихъ сочиненіяхъ); однако когда, будучи отъ природы самолюбивъ, не присвоялъ себѣ имени Мудреца, когда могъ достигнуть еще высшей степени краснорѣчія, ежели бы жилъ подолѣе и во время спокойнѣйшее, способнѣйшее къ занятіямъ ученымъ; то могу ли, безъ предосужденія ему, подумать, что въ немъ не было того совершенства, до котораго никто однакожъ ближе его не доходилъ. Если бы я былъ и иныхъ мыслей, то и тогда защищалъ бы свое мнѣніе также свободно и настоятельно. М. Антоній не явно ли признавался, что онъ еще не видывалъ человѣка прямо краснорѣчиваго? И самъ Цицеронъ еще только ищетъ, только воображаетъ и только представляетъ себѣ Оратора: по чему я не смѣлъ бы сказать, что въ неизмѣримомъ послѣдствіи грядущихъ вѣковъ не найдется что либо совершеннѣе того, что прежде было. Я ничего не говорю о тѣхъ, кои Цицерону и Димосѳену даже и въ краснорѣчіи не отдаютъ должной справедливости: да и самому Цицерону Димосѳенъ кажется недовольно совершеннымъ: онъ, по мнѣнію его, иногда засыпаетъ; а о Цицеронѣ Брутъ

и Кальвъ также думаютъ, и при немъ самомъ слогъ его охуждаютъ; и оба Азиніи (отецъ и сынъ) на многихъ мѣстахъ сочиненій своихъ немилосердо поносятъ недостатки рѣчей его.

III. Но положимъ (что однако не естественно), найдется человѣкъ, и при дурныхъ нравахъ, весьма краснорѣчивый: я все не скажу, что онъ Ораторъ, такъ какъ не назову человѣка дерзкаго на руку мужественнымъ, поелику мужество заключаетъ въ себѣ понятіе о добродѣтели. Развѣ не нужна человѣку, коему поручается дѣло для защищенія, такая вѣрность, которая не могла бы соблазниться подкупомъ, увлечься лицепріятіемъ, или поколебаться страхомъ? И мы измѣннику, предателю, корыстолюбцу, дадимъ священное имя Оратора?

Ежели Стряпчіе и низшей степени должны отличаться тѣмъ, что мы называемъ прямодушіемъ, то для чего сей Ораторъ, какого еще не было, но какой возникнуть можетъ, не долженъ быть столько же совершенъ во нравахъ, сколько и въ краснорѣчіи? Ибо мы хотимъ образовать не простаго законовѣдца, не наемнаго ходатая, и, чтобъ не сказать оскорбительнаго, не такого, иногда впрочемъ и не безполезнаго въ тяжбахъ посредника, который попросту стряпчимъ называется: но предполагаемъ мужа, превосходнымъ умомъ одареннаго отъ самой природы,

украшеннаго изящными и разнообразными познаніями, мужа, для блага людей наконецъ ниспосланнаго, коему подобнаго не зрѣла прежде самая отдаленная древность, мужа, говорю, отмѣннаго достоинства, во всемъ совершеннаго, благородно мыслящаго и наилучшимъ образомъ говорящаго.

Какую пользу принесетъ такой человѣкъ, когда будетъ или защищать невинныхъ, или удерживать продерзость злодѣевъ, или поддерживать правость противъ ябѣды въ тяжбахъ денежныхъ? Въ такихъ случаяхъ Ораторъ сей принесетъ великую пользу; но въ важнѣйшихъ явится еще въ бóльшемъ блескѣ, какъ, напримѣръ, если нужно подавать въ Сенатѣ полезныя мнѣнія, или вывести народъ изъ заблужденія. Не такого ли точно мужа представляетъ намъ Виргилій смиряющимъ мятежъ возмутившейся и повсюду съ пламенниками и каменьями рыщущей черни?

И якоже когда межъ тысячи невѣжъ,
Межъ черни бѣшеной воздвигнется мятежъ,
Ужъ тучами летятъ дреколья и каменья,
Оружіе даетъ пылъ буйнаго ей рвенья;
Коль скоро важный мужъ, заслугой знаменитъ,
Предстанетъ, всѣ молчатъ, пріявъ послушный видъ. (1. Aen. 155.)

Здѣсь видимъ сперва мужа добродѣтельнаго: потомъ Стихотворецъ выставляетъ краснорѣчиваго:

Онъ ярыя сердца бесѣдой умягчаетъ,
И мудрой кротостью безумцевъ укрощаетъ.

Да и на войнѣ, когда надлежитъ возбуждать въ ратаѣ храбрость, не сама ли мудрость внушитъ слова Оратору, каковаго мы произвесть желаемъ? Ибо при вступленіи въ сраженіе, когда воина объемлетъ и страхъ толь кроваваго подвига, когда ожидаютъ его тяжкія раны, и когда смерть видимо угрожаетъ ему, какимъ образомъ, вмѣсто скорбныхъ чувствованій, поселить въ немъ любовь къ отечеству, мужество и желаніе славы? Кто лучшія побужденія представить можетъ другимъ, какъ не тотъ, кто самъ, такъ сказать, проникнутъ оными? Притворство, при всей своей осторожности, само себѣ измѣняетъ. Нѣтъ человѣка, обладающаго толикимъ краснорѣчіемъ, чтобы не смутился и не смѣшался въ словахъ, когда уста его несогласны съ сердцемъ. А человѣкъ порочный, по нуждѣ, иное говоритъ, иное чувствуетъ. Напротивъ, у честнаго всегда готово честное слово, все доброе придумано, поелику онъ во всемъ руководствуется благоразуміемъ: рѣчь его безъ искусственныхъ хитросплетеній, но сама собою довольно украшается;

ибо всякое назидательное слово, ко внушенію добродѣтели клонящееся, бываетъ увѣрительно.

Итакъ юношество, или паче сказать, всякой возрастъ (ибо рѣшиться на доброе, всегда время) да стремится неослабно къ сему высокому совершенству: можетъ быть, и удастся достигнуть онаго. И дѣйствительно, ежели природа не воспрещаетъ быть и честнымъ человѣкомъ и великимъ Ораторомъ, то для чего отчаеваться, чтобы кто нибудь въ одномъ себѣ не могъ вмѣстить того и другаго качества? Ежели силы наши вполнѣ успѣть не позволятъ, по крайней мѣрѣ, благородное покушеніе простираться отъ степени къ степени сдѣлаетъ насъ лучшими и почтеннѣйшими по обоимъ симъ подвигамъ. Надобно совсѣмъ выбросить изъ головы мысль, яко бы высочайшее краснорѣчіе можетъ быть совмѣстно съ развращеннымъ сердцемъ. Самый даръ слова, если бы достался въ удѣлъ порочному человѣку, надлежитъ почитать зломъ: поелику сдѣлаетъ его еще худшимъ.

IV. При семъ, мнѣ кажется, слышу противъ себя слѣдующія возраженія (ибо всегда найдутся люди, кои хотятъ лучше быть краснорѣчивыми, нежели добродѣтельными): для чего же, говорятъ, краснорѣчіе толь часто прибѣгаетъ къ всякимъ хитростямъ. Для чего я самъ говорилъ о скрытныхъ уловкахъ при защищеніи дѣлъ за-

трудницельныхъ, и даже при защищеніи явныхъ преступленій? Не доказываетъ ли сіе, что искуство и сила краснорѣчія обращаются иногда противъ самой истины? Ибо честный человѣкъ беретъ на свое попеченіе дѣла только справедливыя, которыя, для защищенія своего, не требуютъ дальнихъ правилъ и науки: поборникъ имъ истина.

1). На сіе скажу сперва нѣчто въ собственное мое оправданіе, потомъ удовлетворю возражателей относительно къ честному человѣку, который бываетъ иногда принужденъ защищать виновныхъ.. Итакъ скажу, что показать, какимъ образомъ защищается въ иныхъ случаяхъ или ложное, или даже несправедливое, небезполезно и по той одной причинѣ, дабы научить и ложь и несправедливость открывать и опровергать удобнѣе: какъ тотъ вѣрнѣе употребитъ можетъ спасительныя лѣкарства, кому извѣстны вредныя. Въ училищахъ происходятъ состязанія: одинъ защищаетъ, другой опровергаетъ одно и тоже; но поведеніе состязующихся не подвергаетъ ихъ обидному подозрѣнію о нравахъ. И Карнеадъ, знаменитый оный Философъ, который, какъ сказываютъ, будучи въ Римѣ, говорилъ въ присутствіи Ценсора Катона, съ такою же силою противъ справедливости, съ какою за день предъ тѣмъ защищалъ оную, не былъ

по сему человѣкомъ несправедливымъ. Но и что есть добродѣтель, открываетоя противоположеннымъ ей злодѣяніемъ: и справедливость отъ сравненія ея съ неправдою становится яснѣе: словомъ, многое доказывается противоположностію. По чему Ораторъ долженъ знать намѣреніе и уловки своего противника, такъ какъ полководцу нужно вѣдать и предупреждать хитрости непріятеля.

2). Но могутъ случиться обстоятельства, которыя и честнаго человѣка, что кажется съ перваго взгляду странно и несообразимо, заставятъ, при защищеніи дѣла, скрыть иногда предъ судьею истину. Ежели кто удивится такимъ словамъ моимъ (хотя это не есть моя собственная мысль, но принадлежитъ самымъ важнымъ нравоучителямъ въ древности), тотъ да разсудитъ, что большая часть дѣяній нашихъ не столько сами по себѣ, сколько по намѣреніямъ нашимъ, бываютъ честны или безчестны. Ибо если убить человѣка часто почитается добродѣтелію, пожертвовать дѣтьми своими иногда дѣломъ весьма славнымъ, и попуститься на что нибудь еще жесточайшее, когда потребуетъ общественная польза, позволительно: то и здѣсь не просто и на одно только то смотрѣть надлежитъ, какое дѣло, но для чего и съ какимъ

намѣреніемъ честный человѣкъ на себя его принимаетъ.

Но прежде всего, да согласится всякъ со мною (*), въ чемъ и самые строгіе Стоики не спорятъ, что честный человѣкъ принужденъ бываетъ иногда прибѣгать ко лжи по маловажнымъ даже причинамъ; напримѣръ, при болѣзни дѣтей, для ихъ же пользы, многое выдумываемъ, многое обѣщаемъ ложно; кольми паче дозволительно поступать такимъ же образомъ, когда дѣло идетъ объ отвращеніи смертоубивства, или, для спасенія отечества, о разрушеніи кова непріятельскаго: такъ что при иныхъ случаяхъ предосудительный въ самыхъ рабахъ поступокъ, въ самомъ мудромъ человѣкѣ при иныхъ обстоятельствахъ заслуживаетъ похвалу. А по сему уже нахожу я много причинъ, по которымъ Ораторъ можетъ, не нарушая чести, принять на себя такое дѣло, за которое, безъ побужденія честнаго и законнаго, никогда бы не взялся.

Я не говорю, чтобы надлежало держаться не столь строгаго правила при опасности, угрожающей отцу, брату, другу: хотя здѣсь предстоитъ немалое затрудненіе; съ одной стороны

(*) Св. Августинъ охуждаетъ ложь во всякомъ случаѣ, основываясь на свидѣтельствахъ Священнаго Писанія: *Погубиши вся глаголющія лжу.* Пс. 5. ст. 7. *Уста лжущія убиваютъ душу.* Прем. Сол. гл. I. ст. 11.

представляется правосудіе, съ другой священный долгъ родства и дружбы; и такъ я говорю вообще: но объяснимъ сіе. Пусть кто нибудь покушался на жизнь человѣка зловреднаго для цѣлаго общества, и былъ бы за то въ судъ представленъ. Не уже ли Ораторъ, какого мы подразумѣваемъ, не захочетъ спасти его? Не уже ли, принявъ на себя защитить его, не употребитъ тѣхъ же пособій искуства, къ какимъ прибѣгаетъ и защищающій предъ судьями неправое дѣло?

Что ежели судья можетъ осудить и невинное дѣло, когда не убѣдимъ его, что дѣйствіе сіе совершено не было; не уже ли Ораторъ пренебрежетъ такое средство спасти, не только невиннаго, но и почтеннаго гражданина? Есть много вещей, которыя сами по себѣ справедливы, но по обстоятельствамъ времени совсѣмъ безполезны обществу; не уже ли не подкрѣпимъ тогда рѣчи своей искуствомъ, хотя благонамѣреннымъ, но нѣсколько на хитрость и обманъ похожимъ?

Кромѣ того, никто сомнѣваться не можетъ, что, ежели и злые люди иногда исправляются, то въ семъ случаѣ выгоднѣе для общества прощать ихъ, нежели наказывать. Итакъ, если Ораторъ увѣренъ, что виновный перемѣнитъ свое поведеніе на лучшее, не имѣетъ ли причины

употребить всѣ способы избавить его отъ строгости законовъ?

Представимъ себѣ, что справедливо обвиняется въ какомъ нибудь явномъ преступленіи искусный полководецъ, безъ котораго цѣлое Государство не можетъ быть безопасно отъ непріятеля; не уже ли общественная польза не призоветъ Оратора къ нему на помощь? Фабрицій, видя Республику, угрожаемую близкою войною, и зная, что Корнелій Руфинъ былъ худый гражданинъ и ему личный врагъ, но впрочемъ хорошій полководецъ, не усумнился торжественно подать голосъ на избраніе его въ Консулы; и когда нѣкоторые удивлялись таковому поступку, онъ отвѣчалъ: *Я хочу лучше быть ограбленъ отъ своего согражданина, нежели проданъ отъ непріятеля.* Итакъ ежели бы Фабрицій былъ Ораторъ, не уже ли вы думаете, чтобъ онъ отказался защищать сего же Руфина, виновнаго въ явныхъ хищеніяхъ?

Я могъ привести много подобныхъ сему примѣровъ; но довольно и одного. Ибо я не желаю, чтобъ Ораторъ, для коего пишемъ сіи наставленія, брался часто за такія дѣла: я хочу только показать, что, ежели онъ по вышеисчисленнымъ причинамъ, принужденъ къ тому будетъ, наше однако опредѣленіе всегда останется спра-

ведливымъ, что Ораторъ есть человѣкъ честный, искусный въ словѣ.

Преподать же правила, какимъ образомъ поступать въ затруднительныхъ случаяхъ, нужно и потому, что самыя правыя судныя дѣла бываютъ подобны неправымъ, и невинный подсудимый имѣетъ противъ себя вѣроятныя доказательства: отъ чего происходитъ, что тѣмъ же способомъ защищать его надобно, какъ бы виноватаго. Ибо безчисленное множество обстоятельствъ суть общи правымъ и неправымъ дѣламъ: свидѣтели, письма, подозрѣніе, предразсудки; и не иначе утверждается и опровергается правдоподобіе и самая истина. Для сего-то Ораторъ долженъ располагать рѣчь свою по востребованію надобности, но въ тоже время соблюдать прямодушіе и честность.

ГЛАВА II.

ОРАТОРУ ПОТРЕБНО ЗНАНІЕ ФИЛОСОФІИ.

I. Ораторъ долженъ знать, чѣмъ назидаются нравы, дабы сдѣлаться не только добродѣтельнымъ человѣкомъ, но и въ словѣ искуснымъ. II. Всѣ части Философіи нужны Оратору: Діалектика, Иѳика, Физика. — Сіе подтверждается примѣрами. III. Учиться Философіи не у одного кого-либо, но и у самаго лучшаго. — Надобно знать примѣры знаменитыхъ дѣяній и изрѣченій, коими Римская Исторія весьма обильна.

I. Итакъ, когда Ораторъ есть человѣкъ честный, а быть честнымъ не можно безъ добродѣтели, которая хотя заимствуетъ нѣкоторыя побужденія отъ природы, однако къ усовершенію своему требуетъ и наставленій: то Ораторъ прежде всего долженъ пещися о улучшеніи своихъ нравовъ и о пріобрѣтеніи точныхъ и твердыхъ понятій о честномъ и справедливомъ, безъ

чего ни добродѣтельнымъ, ни искуснымъ въ словѣ сдѣлаться не можно. А иначе, надлежало бы согласиться съ тѣми, кои качество нравовъ приписываютъ самой природѣ: но кому неизвѣстно, что всякое, и даже самое низкое рукодѣліе, имѣетъ нужду въ первоначальномъ показателѣ? Въ добродѣтели ли, которая человѣка сближаетъ съ самымъ божествомъ, преуспѣемъ, безъ труда, безъ исканія, а единственно тѣмъ, что родились человѣками. Не уже ли будетъ кто воздерженъ, не зная и самъ, что такое есть воздержаніе? Или будетъ мужественъ, не оградивъ себя и не вооружась ни чѣмъ противъ ужасовъ страданій, смерти, суевѣрія? Или будетъ справедливъ, безъ всякаго изслѣдованія, въ чемъ состоитъ праведное и благое, и не изложивъ въ какомъ ниесть ученомъ сочиненіи тѣхъ законовъ, какіе всѣмъ людямъ даны природою, и какіе особенно принадлежатъ племенамъ и народамъ? О коль мало цѣнятъ все сіе тѣ, коимъ оно кажется толико удобнымъ!

Но я прехожу молчаніемъ то, о чемъ никто, хотя нѣсколько познакомившійся съ науками, сомнѣваться, думаю, не можетъ. Я обращаюсь ко второй статьѣ, то есть, что не льзя быть искуснымъ въ словѣ тому, кто совершенно не изслѣдовалъ силы природы, и не утвердилъ своей нравственности правилами и размы-

шленіемъ. Ибо Л. Крассъ, въ третьей книгѣ объ Ораторѣ, не безъ основанія утверждаетъ, что всѣ разсужденія о справедливомъ, правильномъ, истинномъ, благѣ верховномъ и о противоположныхъ качествахъ, принадлежатъ Оратору; и что Философы, защищая сіи добродѣтели съ силою краснорѣчія, употребляютъ оружіе Риторовъ, а не свое собственное. Однако тотъ же Крассъ признается, что нынѣ надлежитъ уже сіи пособія заимствовать отъ Философіи, поелику въ ней, по мнѣнію его, ихъ болѣе находится. По сему самому и Цицеронъ во многихъ книгахъ и письмахъ своихъ свидѣтельствуетъ, что даръ слова произтекаетъ изъ сокровенныхъ источниковъ мудрости: и что по сей причинѣ въ старину были тѣже наставники для нравственности и для краснорѣчія.

Здѣсь намѣреніе мое не къ тому клонится, чтобы Оратора сдѣлать Философомъ, ведущимъ родъ жизни, удаленный отъ гражданскихъ должностей и несовмѣстный съ обязанностями Оратора. Ибо кто изъ Философовъ посѣщалъ судебныя мѣста, или прославился въ народныхъ собраніяхъ? Кто изъ нихъ занимался государственными дѣлами? Сего даже убѣгать многіе изъ нихъ совѣтовали. Я хочу изъ питомца моего сдѣлать мудраго Римлянина, который бы явилъ въ себѣ истиннаго государственнаго

человѣка, не уединенными преніями, но самыми дѣлами и своею опытностію. А поелику посвятившіе себя наукѣ Краснорѣчія, оставивъ попеченіе о пріобрѣтеніи мудрости, начали уже заниматься не прямою своею должностію, не блистательнымъ дѣйствованіемъ въ мѣстахъ судебныхъ, но сперва избрали для себя поприщемъ портики, гимназіи, потомъ училищныя собранія, что же нужно Оратору, того не преподаютъ наставники въ Краснорѣчіи; то по необходимости надлежитъ ему заимствовать оное отъ Философовъ.

По чему со всякимъ вниманіемъ надобно читать Авторовъ, кои писали о добродѣтели, дабы Ораторъ научился поведеніе свое сообразовать съ познаніемъ вещей божественныхъ и человѣческихъ. Сколь величественными и прекрасными намъ покажутся онѣ, когда будутъ насъ поучать въ нихъ тѣ, кои говорить превосходнымъ образомъ могутъ! О когда бы пришло время, чтобъ какой нибудь совершенный Ораторъ (каковаго мы желаемъ) сію часть и ради надменнаго имени и ради пороковъ, коими нѣкоторые изказили красоту ея, сдѣлавшуюся ненавистною, опять присоединилъ къ своей собственности, и торжественно привелъ въ составъ Краснорѣчія.

II. Философія раздѣляется на три части: Физику, Нравственность, Діалектику; скажите, которая бы изъ сихъ частей не принадлежала къ должности Оратора?

Превративъ порядокъ, начнемъ съ послѣдней, которая занимается только словами; никто не можетъ сомнѣваться, чтобъ она не была удѣломъ Оратора, ежели его же дѣло знать свойство каждаго рѣченія, изъяснять двусмысленное, разбирать затруднительное, усматривать ложное, сокращать и распространять словами свои умствованія: хотя въ судныхъ рѣчахъ не должна быть употребляема Діалектика столь же коротко и, такъ сказать, сжато, какъ въ обыкновенныхъ преніяхъ: ибо не только наставлять, но и трогать и нравиться долженъ Ораторъ; къ сему потребна стремительность, сила и пріятность: какъ теченіе великихъ и глубокихъ рѣкъ, чрезъ многія глубины проходящихъ, имѣетъ бо́льшій напоръ, нежели теченіе слабаго ручейка, и мелкими камешками въ ходу своемъ воспящаемаго.

И какъ учители Палестрическіе, всѣ движенія и пріемы, не для того показываютъ ученикамъ своимъ, чтобъ они всѣ ихъ вдругъ употребляли при ратоборствѣ (ибо тутъ нужнѣе крѣпость тѣла, гибкость членовъ и бодрость духа), но чтобъ научить ихъ многимъ пріемамъ, дабы

тотъ или другой употребить въ нужномъ случаѣ: такъ и сія часть Діалектики, которую назовемъ *Состязательницею*, бываетъ часто полезна для точнаго опредѣленія вещей, для различенія ихъ между собою, для разрѣшенія двусмысленностей, для раздѣленія и поясненія, или для смѣшенія и затменія предметовъ: однако, если въ судебной рѣчи будутъ слишкомъ строго наблюдаемы ея правила, то она изказитъ и лучшія части въ словѣ; ибо, обративъ всѣ силы Оратора на соблюденіе точности и краткости, сею же самою тонкостію ослабитъ оныя. По сему-то иные въ обыкновенныхъ состязаніяхъ показываютъ удивительную остроту и оборотливость: коль же скоро понадобится, оставивъ хитросплетенныя уловки, предложить рѣчь важнѣйшую и безостановочную, тогда уподобляются тѣмъ малымъ животнымъ, которыя въ узкихъ мѣстахъ удобно увертываются, а на открытомъ полѣ дѣлаются добычею ловца.

Нравственная же часть Философіи, *Ификою* называемая, неотъемлемо принадлежитъ Оратору. Ибо въ такомъ многоразличіи судныхъ дѣлъ (какъ показано въ предъидущихъ книгахъ) однѣ основываются на догадкахъ, другія на опредѣленіяхъ, иныя законностію прикрываются, или складываются на другихъ, или сносятся и сравниваются между собою, или, по причинѣ дву-

смыслія, въ противную сторону толкуются; словомъ, нѣтъ почти ни одного дѣла, которое не требовало бы разсужденій о правѣ естественномъ и истинномъ благѣ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ. Кто не знаетъ также, что во многихъ бываетъ основаніемъ одно качество дѣла? При подаваніи совѣтовъ, при увѣщаніяхъ, можно ли не коснуться благопристойности, честности? И что сказать о третьей части, которая имѣетъ цѣлію хвалу или охужденіе? Предметъ ея видимо составляютъ добродѣтель и пороки.

Не обязанъ ли Ораторъ часто говорить о справедливости, великодушіи, воздержаніи, умѣренности, благочестіи? Человѣкъ честный, кому добродѣтели сіи не по имени только извѣстны, говоритъ объ нихъ не по наслышкѣ, безъ вниманія; онѣ запечатлѣны у него на сердцѣ; а по сему и не трудно ему излагать собственныя чувствія: ему стóитъ только сказать то, что самъ мыслитъ.

А какъ общій вопросъ или положеніе есть гораздо пространнѣе, нежели частный, поелику въ цѣломъ содержатся части, а не цѣлое въ части: то никакъ не льзя усумниться, чтобъ общіе вопросы не были тѣсно связаны съ тѣмъ родомъ познанія, о которомъ мы говоримъ. Когда же есть множество предметовъ, коихъ свойство

надлежитъ означать краткими и точными опредѣленіями, отъ чего и состояніе дѣлъ называется *опредѣлительнымъ* (definitivus); то не надобно ли и сему также учиться отъ тѣхъ, кои наиболѣе вникали въ правила нравственности? Вопросъ о всякомъ законѣ, правѣ, не основывается ли на собственности рѣченій, или на сомнѣніи въ истинѣ, или на догадкахъ относительно намѣренія законодателя? Все сіе относится частію къ Діалектикѣ, частію къ Нравоученію. Итакъ рѣчь, истинно Ораторская, должна естественно состоять изъ сихъ двухъ частей Философіи; а чуждое сихъ правилъ многорѣчіе, по необходимости, блуждать будетъ, какъ не имѣющее никакихъ, или худыхъ руководителей имѣющее.

Чтожъ касается до Физики, сверхъ того, что открываетъ Оратору тѣмъ пространнѣйшее поле, чѣмъ съ бо́льшею возвышенностію о дѣлахъ божескихъ, нежели человѣческихъ говорить надлежитъ, заключаетъ она и всю часть нравоучительную, безъ которой, какъ мы сказали, не можетъ обойтися Краснорѣчіе. Ибо ежели міръ управляется Промысломъ, то должно, чтобъ и государствомъ управляли мужи добродѣтельные. Ежели происхожденіе души нашей есть божественное, то надобно стремиться къ добродѣтели, и не служить страстямъ тлѣннаго тѣла. Не часто ли придется Оратору твердить о

семъ? Не случится ли ему въ рѣчи своей коснуться иногда отвѣтовъ Авгуровъ и всего состава нашего богочтенія, о чемъ въ Сенатѣ нерѣдко бываютъ важныя совѣщанія, ежели, какъ я полагаю, Ораторъ будетъ вмѣстѣ и человѣкомъ государственнымъ? Наконецъ, какое краснорѣчіе можно представить себѣ въ человѣкѣ, который не знаетъ, что есть наилучшаго въ природѣ.

Ежели сія истина не ясна сама собою, то не льзя, по крайней мѣрѣ, не увѣриться примѣрами. Ибо извѣстно, что Периклъ, коего краснорѣчія хотя никакихъ образцовъ до насъ не дошло, но по сказанію, какъ Историковъ, такъ и древнихъ Комиковъ, въ сужденіяхъ своихъ всегда свободныхъ и откровенныхъ, учился Физикѣ у Анаксагора: и Димосѳенъ, глава всѣхъ Греческихъ Ораторовъ, имѣлъ Платона наставникомъ въ Философіи. Да и самъ Цицеронъ свидѣтельствуетъ, что краснорѣчіемъ своимъ одолженъ былъ не столько училищамъ Риторовъ, сколько обширнымъ садамъ Академа (*). И дѣйствительно, не было бы въ немъ толикаго обилія въ словѣ, если бы разумъ свой заключалъ онъ только въ стѣ-

(*) Аѳинскій гражданинъ, именемъ Академъ, отдалъ свой садъ Философамъ того времени. Отсюда названіе секты Академиковъ.

нахъ судилищъ, а не въ предѣлахъ самой природы вещей.

III. Но изъ сего родится другой вопросъ, которая секта Философовъ можетъ болѣе способствовать Краснорѣчію: хотя рѣшеніе онаго относится не до многихъ сектъ. Ибо Эпикуръ первый самъ запрещаетъ намъ всякое сообщеніе съ собою, предписывая ученикамъ своимъ убѣгать ученія всѣми силами. И Аристиппъ, верховное благо въ чувственныхъ удовольствіяхъ полагающій, конечно не можетъ возбудить въ насъ охоты къ многотруднымъ ученымъ занятіямъ. А Пирронъ, который будетъ еще сомнѣваться, подлинно ли есть судіи, предъ коими говорить надобно, подлинно ли есть подсудимый, котораго защищать должно, и подлинно ли есть Сенатъ, гдѣ предлагать мнѣніе требуется, Пирронъ, говорю, можетъ ли быть намъ къ чему нибудь годенъ? Нѣкоторые почитаютъ Академію самою полезною, поелику обычай состязаться въ пользу той и другой стороны подходитъ весьма близко къ упражненіямъ судебнымъ: въ доказательство сего прибавляютъ, что изъ нея вышло много превосходнѣйшихъ мужей въ Краснорѣчіи. Перипатетики также хвалятся нѣкоторыми Ораторскими качествами. И дѣйствительно, отъ нихъ почти первыхъ взяли мы обыкновеніе предлагать разныя задачи для упра-

женія въ состязаніи. Стоики должны признаться, что никто почти изъ ихъ Писателей не отличился обиліемъ и красотою слова: за то утверждаютъ, что нѣтъ такихъ, какъ они, искусниковъ и съ бо́льшею силою доказывать или съ бо́льшею тонкостію выводить заключенія.

Но оставимъ споры сіи тѣмъ самимъ, которые, какъ будто обязавшись клятвою или священною присягою, почитаютъ за преступленіе перемѣнять единожды принятое мнѣніе. Оратору не нужно подвергать себя закону той или другой секты. Ибо предметъ его превосходнѣе и величественнѣе, и какъ будто для него единственно предназначенъ, ежели усовершитъ себя столько же въ нравственности, сколько и въ краснорѣчіи. По чему надлежитъ брать себѣ, для подражанія въ словѣ, мужей самыхъ краснорѣчивыхъ: а для назиданія нравовъ, избирать самыя лучшія правила и прямѣйшій путь къ добродѣтели. Онъ можетъ, для своего упражненія, заниматься всякими предметами, однако долженъ больше и преимущественнѣе обращаться на такіе, кои по существу своему и честнѣе и благороднѣе. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли найти, для рѣчи важной и пространной, обильнѣе содержаніе, какъ предположивъ себѣ говорить о добродѣтели, о благѣ общественномъ, о Провидѣніи, о происхожденіи души нашей, о дружествѣ? Вотъ

чѣмъ возвышается умъ, равно какъ и слово наше; вотъ чѣмъ удаляется всякое опасеніе, укрощаются страсти, истребляются въ насъ предразсудки простонародные, и душа наша дѣлается существомъ небеснымъ.

Но не сіи только однѣ наставленія долженъ Ораторъ имѣть всегда предъ глазами; ему надобно еще болѣе знать и непрестанно занимать мысли свои достопамятными изрѣченіями и знаменитыми дѣяніями великихъ мужей, о коихъ древность сохранила воспоминаніе. По истинѣ, нигдѣ столько и столь пресловутыхъ памятниковъ найти не можно, какъ въ лѣтописяхъ Рима. Кто лучше подастъ намъ понятіе о мужествѣ, вѣрности, справедливости, воздержаніи, умѣренности, о презрѣніи всякаго рода мученій и самой смерти, какъ Фабриціи, Курціи, Регулы, Деціи, Муціи, и безчисленное множество иныхъ ироевъ? Ибо сколько богаты Греки превосходными наставленіями, столько Римляне (что гораздо важнѣе) примѣрами. Ораторъ можетъ искать такихъ примѣровъ не въ одной исторіи своего времени, если, не ограничивая себя настоящими дѣяніями, представитъ себѣ потомство, какъ будущаго судію честной жизни и цѣнителя той славы, которую пріобрѣсть старается. Изъ сего-то источника да почерпаетъ справедливость и благородную смѣлость

какъ въ дѣлахъ, такъ и въ совѣтахъ А иначе, отнюдь не будетъ совершеннымъ Ораторомъ тотъ, кто не будетъ умѣть и не посмѣетъ говорить съ благопристойностію и достоинствомъ.

ГЛАВА III.

ОРАТОРУ НУЖНО ЗНАТЬ ПРАВО ГРАЖДАНСКОЕ.

Такому человѣку нужно знать также право гражданское, обычаи и богослуженіе той Республики, которой свои дарованія посвящаетъ. Ибо какую пользу можетъ принести такой совѣтникъ въ совѣщаніяхъ общественныхъ и частныхъ, который не будетъ знать обстоятельствъ, служащихъ первымъ, главнымъ основаніемъ Государства? И не напрасно ли выдастъ себя за защитника угнетенной невинности, когда будетъ принужденъ заимствовать отъ другаго самое важнѣйшее въ судопроизводствѣ? Это почти тоже, что читать чужія стихотворенія предъ собраніемъ. Ибо онъ будетъ какъ бы эхо своего совѣтодателя, и то, въ чемъ увѣрить судью хочетъ, будетъ говорить, положась на совѣсть посторонняго человѣка, и взявшись помогать тяжущимся, будетъ самъ имѣть нужду въ помощи.

Положимъ, что иногда безъ дальнаго затрудненія можно воспользоваться такимъ пособіемъ,

если сочиненное и приготовленное другимъ, какъ и прочія обстоятельства дѣла, затвердитъ дома, и уже въ готовности предстанетъ предъ судей: но какъ отвѣчать на неожиданные вопросы и возраженія, какія часто раждаются въ то самое время, какъ говоритъ Ораторъ рѣчь свою? Не уже ли непристойнымъ образомъ осматриваться во всѣ стороны, искать глазами своего совѣтника и его спрашивать? И какъ можетъ хорошенько вслушаться въ слова и понять мысли своего помощника, когда неукоснительно излагать оныя надобно? Или настоятельно утверждать, или защищать свободно, какъ свое собственное? Пусть можно сдѣлать сіе, произнося обыкновенныя рѣчи: но какъ поступить при спорѣ и состязаніяхъ, гдѣ отвѣтъ долженъ быть всегда готовый, и гдѣ уже нѣтъ времени прибѣгать къ посторонним наставленіямъ? А что еще, когда совѣтодатель его при томъ не случится? Или какой нибудь малознающій правовѣдецъ внушитъ ему что либо ложное? Ибо самое величайшее зло въ невѣжествѣ такого Оратора, что онъ почитаетъ великимъ знатокомъ того, кто берется подавать ему совѣты.

Не подумайте, чтобъ я не зналъ нашего при сихъ случаяхъ обыкновенія, и забылъ о тѣхъ, кои садятся, какъ бы на стражѣ, и подаютъ сражающимся оружіе: извѣстно мнѣ, что и у

Грековъ тоже водится и такіе вспомогатели называются *практиками*, *дѣльцами* (pragmatici). Но я говорю объ Ораторѣ, который защищать принятое на себя дѣло не голосомъ только, но всѣми полезными способами долженъ. По чему и не хочу, чтобъ былъ онъ бездѣйственъ при нечаянно встрѣтившемся случаѣ, и неискусенъ въ отраженіи непредвидѣнныхъ затрудненій. И дѣйствительно, кому нужнѣе знать всѣ обстоятельства дѣла, какъ не тому, кто берется защищать оное? Какъ можно почесть хорошимъ Полководцемъ человѣка, который при всей своей неустрашимости и при всѣхъ качествахъ, потребныхъ въ сраженіи, не будетъ умѣть ни набрать и научить войска, ни поставить его въ боевый порядокъ, ни учредить безопасныхъ сообщеній, ни избрать удобнаго мѣста для расположенія своего стана? Таковъ будетъ и Ораторъ, который положится на другихъ въ прісканіи пособій, отъ коихъ зависитъ большая часть его побѣды: и пріобрѣтеніе таковыхъ свѣденій, при необходимой ихъ надобности, не такъ затруднительно, какъ можетъ показаться издали.

Ибо всякое право, если оно ясно, содержится или въ законахъ писанныхъ, или въ обыкновеніяхъ; а если сомнительно, разбирается по правиламъ естественной справедливости. Право, на письмѣ изложенное, или на общенародныхъ

обычаяхъ основанное, не заключаетъ въ себѣ никакого запрудненія: здѣсь вся сила въ томъ, чтобъ только узнать старое, а не новое выдумывать. Чтожъ касается до случаевъ, кои обыкновенно Правовѣдцами изъясняются, они состоятъ или въ истолкованіи словъ, или въ отличеніи правильнаго отъ неправильнаго. Разумѣть силу реченій или свойственно всякому просвѣщенному человѣку, или принадлежитъ Оратору: а что правильно или неправильно, извѣстно всякому справедливому и добродѣтельному мужу.

А какъ, по мнѣнію нашему, Ораторъ долженъ прежде всего быть человѣкъ честный и просвѣщенный, который стремится ко всему изящнѣйшему; то онъ не много затруднится, если какой нибудь Правовѣдецъ съ нимъ не согласенъ, поелику людямъ сего званія позволительно и между собою держаться различныхъ мнѣній. Но ежели онъ захочетъ знать, что̀ и какъ каждый изъ нихъ думалъ, потребно для сего только чтеніе, которое между учеными занятіями не почитается слишкомъ труднымъ. И если многіе, потерявъ надежду пріобрѣсти способность говорить всенародно рѣчи, прилѣпились къ изученію права, то какую удобность долженъ имѣть Ораторъ къ познанію того, чему научаются и тѣ, кои, по собственному ихъ признанію, Ораторами быть не могутъ!

По сему и М. Катонъ былъ и превосходнѣйшій Витія и вмѣстѣ искуснѣйшій Правовѣдецъ. И Сцевола и Сервій Сульпицій, знаменитые законовѣдцы, славились отличнымъ краснорѣчіемъ. И Цицеронъ, не только въ рѣчахъ своихъ показывалъ нужныя познанія въ законовѣденіи, но многое предпринималъ и писать о семъ предметѣ, дабы доказать намъ, что Ораторъ не только изъученіемъ правъ заниматься самъ, но и другихъ учить можетъ.

Впрочемъ, всего того, что я говорю о необходимости исправленія нравовъ и объ основательномъ знаніи правовѣденія, да не обратитъ кто либо мнѣ въ укоризну, подъ тѣмъ предлогомъ, что мы знали многихъ людей, кои, наскучивъ трудомъ, какой необходимъ для желающихъ успѣть въ Краснорѣчіи, принимались за упражненія, сообразнѣйшія ихъ лѣности: и дѣйствительно, нѣкоторые обратили все свое вниманіе на собираніе судебныхъ приговоровъ, затверживали разныя постановленія или только заглавія узаконеній, и захотѣли лучше сдѣлаться стряпчими, или, какъ Цицеронъ говоритъ, записными законниками, вообразивъ себѣ, что избирали они полезнѣйшее, между тѣмъ какъ искали легчайшаго. Другіе, еще надменнѣйшіе въ своемъ бездѣйствіи, принявъ на себя скромную наружность, отростивъ бороду, и какъ будто прези-

рая наставленія Риторовъ, посѣщали отъ времени до времени школы Философовъ, предъ людьми являлись важны, на единѣ были распутны, и тѣмъ презирая другихъ, старались обратить на себя уваженіе народа. Ибо притвориться Философомъ можно, а Ораторомъ нѣтъ.

ГЛАВА IV.

ОРАТОРУ НУЖНО ЗНАТЬ ИСТОРІЮ.

И вопервыхъ Ораторъ долженъ запастись множествомъ примѣровъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ: ему должно знать не только то, что написано въ Исторіи, или что дошло до насъ по преданію, или что повседневно случается: но не надобно пренебрегать и баснословныхъ вымысловъ, какіе находимъ у знаменитыхъ Стихотворцевъ. Ибо первыя свѣденія занимаютъ мѣсто свидѣтельствъ, а иногда и самыхъ приговоровъ судейскихъ. Послѣдніе также уважаются или изъ довѣрія къ древности, или по тому, что почитаются выдуманными отъ великихъ мужей въ наше наставленіе. Итакъ Оратору нужно знать, сколько можно, болѣе примѣровъ сего рода: отсюда раждается и къ старикамъ бо́льшее уваженіе: мы думаемъ, что они узнали и видѣли въ свѣтѣ больше вещей, нежели другіе; Гомеръ на многихъ мѣстахъ тоже свидѣтельствуетъ. Но для сего не надобно дожидаться старости: знаніе историческихъ событій представитъ въ насъ человѣка, какъ бы нѣсколько вѣковъ уже прожившаго.

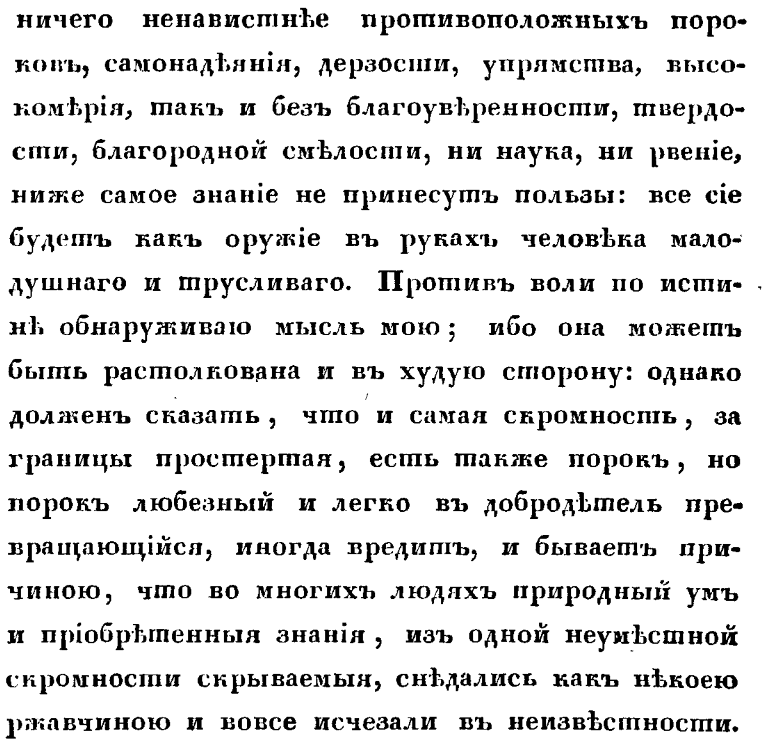
ГЛАВА V.

КАКІЯ СУТЬ ПОСОБІЯ ДЛЯ ОРАТОРА.

Оратору нужна твердость духа и благонадѣяніе на самаго себя. — О естественныхъ пособіяхъ Оратора.

Тѣ пособія, о которыхъ я говорить обѣщалъ, не суть орудія науки, какъ нѣкоторые думали, но самаго Оратора. Сіи орудія онъ долженъ всегда имѣть въ готовности, или, такъ сказать, подъ руками, и умѣть употреблять ихъ въ помощь тому обилію выраженій и фигуръ, тому благоразумному изобрѣтенію мыслей, тому порядку въ расположеніи оныхъ, той твердой памяти и той пріятности въ дѣйствованіи, какія мы въ немъ предполагаемъ.

Но главное изъ сихъ пособій есть величіе и твердость души, которая ни страхомъ не колеблется, ни воплей народа не боится, ниже важностію слушающихъ, далѣе надлежащихъ предѣловъ уваженія, не увлекается. Ибо какъ нѣтъ

ничего ненавистнѣе противоположныхъ пороковъ, самонадѣянія, дерзости, упрямства, высокомѣрія, такъ и безъ благоувѣренности, твердости, благородной смѣлости, ни наука, ни рвеніе, ниже самое знаніе не принесутъ пользы: все сіе будетъ какъ оружіе въ рукахъ человѣка малодушнаго и трусливаго. Противъ воли по истинѣ обнаруживаю мысль мою; ибо она можетъ быть растолкована и въ худую сторону: однако долженъ сказать, что и самая скромность, за границы простертая, есть также порокъ, но порокъ любезный и легко въ добродѣтель превращающійся, иногда вредитъ, и бываетъ причиною, что во многихъ людяхъ природный умъ и пріобрѣтенныя знанія, изъ одной неумѣстной скромности скрываемыя, снѣдались какъ нѣкоею ржавчиною и вовсе исчезали въ неизвѣстности.

Если же кому нибудь, еще не умѣющему различать силу словъ, читать сіе случится, тотъ да знаетъ, что я охуждаю не добронравіе, но ложный и непомѣрный стыдъ, который можно назвать боязнію, воспящающею исполнять должное: отсюда раждается недоумѣніе, раскаяніе о предпріятомъ дѣлѣ и внезапное молчаніе. Такъ по чему же не включить въ число пороковъ того душевнаго чувствія, которое заставляетъ человѣка стыдиться честнаго дѣла? Но я также не хочу и того, чтобъ Ораторъ, имѣющій говорить

предъ многочисленнымъ собраніемъ, выступалъ на свое поприще съ дерзостію, безъ всякаго вида заботливости, безъ всякой перемѣны въ лицѣ, и безъ всякаго знака вниманія къ сомнительному своему положенію; хотя бы чувствованій сихъ въ немъ и не было, по крайней мѣрѣ наружно показывать ихъ надлежитъ. Но я хочу, чтобъ это было слѣдствіемъ его искуства, а не страха: чтобъ казался онъ тронутымъ, а не смущеннымъ и унылымъ. Самое лучшее пособіе для избѣжанія неумѣстной стыдливости, есть собственная о себѣ самомъ увѣренность; сколько бы кто стыдливъ и застѣнчивъ ни былъ, всегда найдетъ себѣ опору въ безстрашіи чистой совѣсти.

Есть еще, какъ я сказалъ выше, и естественныя пособія или орудія, которымъ однакожъ нужна и съ нашей стороны помощь; какъ то: голосъ, крѣпкая грудь, пріятная осанка: сіи качества суть толикой важности, что часто ими однѣми пріобрѣтается великая слава. Въ наше время были Ораторы краснорѣчивѣе Трахалла: но, когда онъ говорилъ, то казался превосходнѣе всѣхъ прочихъ: плѣнялъ и поражалъ величественнымъ станомъ тѣла, живостію глазъ, выразительностію чела, приличіемъ тѣлодвиженій, пріятностію голоса, который былъ у него не только таковъ, какого желаетъ Цицеронъ,

то есть какъ у комедіантовъ — трагиковъ; но еще благозвучнѣе всѣхъ, какіе слышать мнѣ на театрѣ случалось. Я помню, какъ онъ нѣкогда говорилъ рѣчь предъ первымъ судилищемъ въ Юліанской залѣ, куда, по обыкновенію, собирались четыре Департамента или отдѣленія судей, то не смотря на повсемѣстный шумъ и крикъ отъ собравшагося народа, онъ былъ отъ четырехъ судилищъ не только со вниманіемъ выслушанъ и ясно понятъ, но еще, къ досадѣ прочихъ Ораторовъ, и похваленъ. Но таковыя качества сколько желательны, столько и рѣдки: при недостаткѣ оныхъ, удовольствуемся по крайней мѣрѣ хотя тѣмъ, чтобъ внятно слышать насъ могли тѣ, предъ которыми говоримъ. Таковъ долженъ быть Ораторъ, и вотъ о чемъ надлежитъ ему пещися!

ГЛАВА VI.

ВЪ КАКІЯ ЛѢТА ОРАТОРЪ ДОЛЖЕНЪ ВСТУПАТЬ НА СВОЕ ПОПРИЩЕ.

Вступать въ званіе и должность Оратора надлежитъ, безъ сомнѣнія, сообразно силамъ своимъ: я точныхъ лѣтъ для сего не опредѣляю; ибо извѣстно, что Димосѳенъ, почти ребенкомъ будучи, защищалъ свой искъ противъ опекуновъ своихъ: Кальвъ, Цезарь, Полліонъ, задолго еще не достигнувъ возраста, позволявшаго искать Квесторскаго званія, принимали на себя самыя важныя тяжебныя дѣла: сказываютъ, что иные еще въ отроческой одеждѣ говорили въ судахъ рѣчи: Цезарь Августъ, имѣвъ двѣнадцать только лѣтъ отъ роду, произнесъ публично надгробное слово своей бабкѣ.

Мнѣ кажется, и въ семъ должна быть средина, дабы не обрѣзать лозы преждевременно и не собрать съ нее еще незрѣлаго плода. Ибо отсюда раждается презрѣніе къ труду, полагается основаніе безстыдству, и, что всего хуже, самонадѣянность предваряетъ силы. Съ другой же стороны, не надобно дожидаться и старости

для начатія сихъ опытовъ: боязливая нерѣшимость повсядневно возрастаетъ, [redacted] то часъ отъ часу кажется труднѣе, на что отважиться надобно: а размышляя, когда начинать должно, и совсѣмъ можемъ пропустить къ тому время.

Итакъ всего лучше представлять плоды своего ученія еще свѣжіе и пріятные, когда и прощаютъ недоспѣлости, и надѣются дальнѣйшей зрѣлости, и всегда готовы благопріятствовать, и когда еще не непристойно [redacted] все отважиться: недостатокъ слова дополнится возрастомъ; что̀ кажется неосторожно, отнесется къ молодости; какъ, напримѣръ, сіе мѣсто въ Цицероновой рѣчи за Секста Росція: *Что можетъ быть болѣе обще во природѣ, какъ воздухъ для живыхъ, земля для мертвыхъ, море для бѣдствующихъ, берегъ для избѣгшихъ кораблекрушенія?* Мѣсто сіе принято отъ слушателей съ рукоплесканіями по тому, что Цицеронъ былъ двадцати шести лѣтъ отъ роду; но пришедъ въ зрѣлѣйшій возрастъ, самъ же охуждалъ сію юношескую пылкость, которую потомъ умѣрило время.

И въ самомъ дѣлѣ, сколько [redacted] приноситъ пользы домашнее упражненіе въ наукахъ, однако успѣхамъ въ оныхъ нѣкоторымъ особеннымъ образомъ способствуетъ занятіе по дѣламъ суднымъ: тутъ другой свѣтъ, другой видъ истинной опытности; [redacted] ежели отдѣлить одно отъ другаго, то

опытность одна больше успѣваетъ, нежели наука безъ опытности. По сему-то люди, состарѣвшіеся въ училищахъ, столбенѣютъ отъ новости, когда являются въ судебное мѣсто, и ищутъ только подобнаго своимъ обыкновеннымъ упражненіямъ. Тамъ судья молчитъ, а сопротивникъ смѣшать насъ старается, и ни одно слово, не осторожно сказанное, мимо ушей не пропускается: и если вымолвишь слово, то доказывать надобно: и рѣчь, на сочиненіе и обработку коей употреблено много дней и ночей, прерывается положеннымъ окончаніемъ судейскаго засѣданія: и во многихъ случаяхъ, оставивъ всякую высокопарность, нужно говорить просто; а этаго-то сдѣлать и неумѣютъ сіи краснорѣчивые люди. По чему вы многихъ найдете, кои почитаютъ себя краснорѣчивыми до такой степени, что и заниматься судебными дѣлами ставятъ для себя за низкое.

Впрочемъ юный Ораторъ, котораго вводимъ въ судилище еще съ слабыми силами, долженъ и начинать съ дѣлъ самыхъ легчайшихъ и благопріятнѣйшихъ, какъ и птенцы животныхъ нѣжнѣйшею добычею откармливаются. Я отнюдь не хочу того, чтобъ такое начало подвига простиралъ онъ на долгое время, или разумъ его оставался при томъ состояніи возраста, въ которомъ еще потребна ему пища, но чтобъ, по-

знавъ уже самъ собою, что такое есть сраженіе, и какое къ чему нужно ему оружіе, обратилъ все свое попеченіе на то, что можетъ укрѣплять и возобновлять его силы. Такимъ образомъ избавится страха, свойственнаго начинающимъ, когда отваживаться ему легче, и не простретъ сей легкости отваги до небреженія о самой сущности дѣла.

Самъ Цицеронъ прибѣгалъ къ сему средству: уже снискавъ знаменитое имя между Ораторами своего времени, отправился въ Азію, гдѣ Философіи и Краснорѣчію учился, безъ сомнѣнія, у многихъ наставниковъ, особенно прилѣпился къ Аполлонію Молону, у котораго былъ ученикомъ въ Римѣ, а въ Родосѣ опять поручилъ себя ему для усовершенствованія своего въ познаніяхъ. И дѣйствительно, всякое дѣло вѣрнѣе достигаетъ своего совершенства, когда правила и опытность бываютъ въ полномъ между собою согласіи.

ГЛАВА VII.

ЧТО ДОЛЖЕНЪ НАБЛЮДАТЬ ОРАТОРЪ, ПРИНИМАЯ НА СЕБЯ КАКОЕ-ЛИБО ТЯЖЕБНОЕ ДѢЛО.

I. Честнѣе защищать, нежели обвинять. Однако и отъ обвиненія не всегда отказываться должно. — За какія лучше дѣла браться. — Не надобно принимать на себя дѣла, о несправедливости коего увѣримся. II. Долженъ ли Ораторъ требовать награды за свои труды.

I. Когда Ораторъ достаточно пріуготовитъ себя на всякій случай преній по дѣламъ суднымъ, главное его попеченіе должно быть обращено на качество оныхъ. Честный человѣкъ конечно лучше бы хотѣлъ защищать подсудимыхъ, нежели обвинять ихъ: однако имя обвинителя не будетъ ему столько ненавистно, чтобъ никакія причины, ни къ благу общественному, ни къ пользѣ частной относящіяся, не могли его понудить позвать кого-либо предъ судъ къ отвѣту о своемъ поведеніи. Ибо и самые законы потеряли бы

свою силу, если бы гласъ благоразумнаго обличителя не возставалъ противъ нарушителя оныхъ: если бы требовать наказанія за преступленія не надлежало, то и самыя злодѣянія были бы почти позволенными: и сія ненаказанность послужила бы для злыхъ поводомъ вредить добрымъ. По чему не оставитъ Ораторъ ни жалобъ отъ союзниковъ безъ удовлетворенія, ни убійства родственника или друга безъ отмщенія, ни заговоровъ противъ Республики безъ преслѣдованія, не изъ желанія кары виновнымъ, но въ намѣреніи удержать пороки и исправить нравы. Ибо человѣкъ, не внемлющій здравому разсудку, обуздывается однимъ страхомъ. И по сему жить ремесломъ доносчика и тѣмъ обогащаться походитъ на разбойничество; такъ и истреблять внутреннюю заразу есть дѣло защитниковъ отечества.

По таковымъ побужденіямъ, первѣйшіе чиновники въ Государствѣ не отрекались и отъ сей части своихъ обязанностей; и многимъ благороднѣйшимъ юношамъ обвиненіе вредныхъ гражданъ вмѣнялось въ залогъ ревности ихъ къ пользамъ Республики, поелику казалось, что они ненавидѣли злыхъ и дѣлались имъ врагами единственно по внушеніямъ непорочной совѣсти. Примѣромъ сему служатъ Гортензій, Лукуллъ, Сульпицій, Цицеронъ, Цезарь и иные многіе,

такъ какъ и оба Катона, изъ которыхъ одинъ названъ мудрымъ, а другаго если не почесть таковымъ же, то не знаю, кто былъ достойнѣе сего названія. Ибо Ораторъ защищать не всякаго согласится: его краснорѣчіе есть спасительное пристанище, открытое для несчастныхъ, но не убѣжище для разбойниковъ; къ поданію помощи рѣшится онъ болѣе всего качествомъ дѣла.

А между тѣмъ, поелику одному человѣку нѣтъ возможности поддерживать всѣхъ тѣхъ, кои съ нѣкоторою справедливостію заводятъ тяжбы (и таковыхъ есть не малое число), Ораторъ можетъ слушать совѣты отъ другихъ, а особливо отъ судей, и притомъ съ большимъ вниманіемъ къ людямъ честнымъ, въ каковыхъ онъ будетъ всегда имѣть лучшихъ друзей, будучи самъ честенъ. Но здѣсь избѣгать надобно двоякаго искушенія отъ собственнаго любочестія: посвящать дарованія свои сильнымъ противъ слабыхъ, или, что еще хвастливѣе, помогать нисшимъ въ уничиженіе высшихъ достоинствомъ. Ибо не богатство и знатность дѣлаютъ тяжбы или справедливыми или несправедливыми.

Стыдъ не долженъ Оратора удерживать отъ взятаго на себя дѣла, которое съ перваго взгляду показалось ему справедливымъ, а по дальнѣйшемъ изслѣдованіи нашлось неправымъ, хотя

бы онъ уже сказалъ истцу, что успѣхъ въ тяжбѣ его несомнителенъ. Ибо великую, если не ошибаюсь, сдѣлаетъ Ораторъ услугу, когда не будетъ манить тяжущагося пустою надеждою. Да и сей недостоинъ попеченій своего защитника, когда не послушается принимать отъ него совѣта. А для Оратора, каковаго мы предполагаемъ, неприлично защищать завѣдомо ложное. Чтожъ касается до тѣхъ тяжебныхъ дѣлъ, о которыхъ мы говорили выше, ежели по нѣкоторымъ важнымъ причинамъ, и отступитъ отъ точной истины, не погрѣшитъ однако противъ честности.

II. Здѣсь можетъ родиться вопросъ, всегда ли надлежитъ ему исправлять свою должность даромъ, безвозмѣстія: рѣшить оный тотчасъ, не разобравъ обстоятельствъ, было бы не благоразумно. Ибо кто не знаетъ, что гораздо честнѣе, благороднѣе, свободнымъ наукамъ приличнѣе, и величія души, какой мы требуемъ отъ Оратора, достойнѣе не продавать подобныхъ услугъ, и не возвышать цѣны столь великаго благодѣянія? Ибо многія вещи, кажется, теряютъ свое достоинство отъ того, что имъ цѣна полагается. И слѣпому, какъ говорятъ, это очень видно. По чему всякой Ораторъ, имѣющій потребный для себя достатокъ (и какъ малы истинныя его потребности), не можетъ требовать за

труды свои воздаянія, не подвергнувъ себя нарѣканію въ гнусномъ корыстолюбіи.

Но ежели домашнія его обстоятельства сопряжены съ издержками, достатокъ его необходимо превышающими, то по всѣмъ законамъ мудрыхъ можетъ принять предложенное себѣ возмездіе, когда и Сократъ не отказывался отъ приносимыхъ ему жизненныхъ припасовъ; и Зенонъ, Клеанѳъ, Хрисиппъ принимали награду отъ учениковъ своихъ. Да я и не вижу правильнѣйшаго способа пріобрѣтать, какъ толь честнымъ трудомъ и отъ тѣхъ людей, коимъ оказали мы важныя услуги, и кои были бы недостойны нашей помощи, когда бы оставались неблагодарными. Такое возмездіе, мнѣ кажется, не только справедливо, но даже нужно потому, что сей самый трудъ и все время, употребляемое на чужія дѣла, отнимаютъ возможность содержаться иными способами.

Но и здѣсь надлежитъ наблюдать средину: надобно разбирать, отъ кого, за что и сколько получить безъ обиды можно. Обычай торговаться съ тяжущимися сторонами, и возвышать цѣну, смотря по сомнительности дѣла, есть свойственъ однимъ морскимъ разбойникамъ: такой гнусный торгъ и въ человѣкѣ не слишкомъ разборчивомъ не простителенъ, кольми паче въ Ораторѣ, защищающемъ людей честныхъ и по дѣламъ

правымъ: онъ не останется безъ воздаянія; а хотя бы одолжилъ и неблагодарнаго, то пусть лучше погрѣшитъ въ семъ одолженный, нежели одолжившій. Итакъ Ораторъ никогда не пожелаетъ принять больше, нежели труды его стоятъ; даже при бѣдности своей ничего не возметъ въ видѣ награды; но приметъ какъ знакъ благодарности, ежели онъ сдѣлалъ болѣе, нежели что для него дѣлаютъ: ибо такого рода благодѣяніе ни продано, ни потеряно быть не должно. Наконецъ, быть благодарнымъ надлежитъ паче тому, кто одолженъ болѣе.

ГЛАВА VIII.

ЧТО ДОЛЖЕНЪ НАБЛЮДАТЬ ОРАТОРЪ ПРИ РАЗСМАТРИВАНІИ ДѢЛА, КОТОРОЕ ЗАЩИЩАТЬ БЕРЕТСЯ.

I. Оратору нужно принимаемое на себя дѣло разсмотрѣть со всякимъ раченіемъ; не полагаться въ томъ на другаго или на краткія записки, а самому вникать во все. II. Терпѣливо и не однократно выслушивать истца, и дѣлать ему многіе вопросы. III. Разбирать и изслѣдовать всѣ обстоятельства тяжебнаго дѣла. — Напослѣдокъ принимать на себя лице самаго судьи.

I. Прилѣжное разсматриваніе дѣла есть главнымъ основаніемъ всей рѣчи Оратора. Ибо не найдется человѣка, сколько бы ни былъ онъ въ умѣ своемъ ограниченъ, который бы, внимательно разобравъ всѣ подробности дѣла, не былъ въ состояніи дать судьѣ понятіе объ ономъ. Но о семъ весьма немногіе пекутся. Я не говорю уже о тѣхъ лѣнивцахъ, кои нимало не стараются

узнать, въ чемъ состоитъ сущность всей тяжбы, лишь бы только имѣть случай велерѣчить, заимствуя мысли свои или отъ лицъ, не касаясь самаго дѣла, или только отъ общихъ мѣстъ: есть люди, до того омраченные славолюбіемъ, что берутъ на себя болѣе дѣлъ, нежели сколько исправить могутъ, и по сему призываютъ къ себѣ тяжущагося или только за день, или по утру того же самаго дня, въ который тяжба будетъ въ судѣ разбираться, или даже иногда пробѣгаютъ оную, сидя уже на своихъ мѣстахъ предъ начатіемъ слушанія: иные, желая похвастать умомъ своимъ, и показать, что они дѣло въ мигъ поняли, безстыдно увѣряютъ васъ, что все выразумѣли, сообразили, когда еще и половины имъ не сказали; и съ такимъ же безстыдствомъ оглушаютъ собраніе высокопарными и громкими восклицаніями, которыя ни къ истцу, ни къ судьямъ не содержатъ въ себѣ ни малаго отношенія; послѣ сего, въ потѣ лица и многочисленномъ сопровожденіи льстецовъ, въ домы возвращаются.

Не могу терпѣть и тѣхъ изнѣженныхъ нерадивцевъ, кои поручаютъ тяжебныя дѣла разсматривать своимъ пріятелямъ: и еще зло было бы невелико, если бы сіи послѣдніе по крайней мѣрѣ сами рачительно вникали въ дѣло и судили о немъ правильно. Но кто долженъ и кто захо-

четъ заняться онымъ съ бо́льшимъ вниманіемъ, какъ не тотъ, кому защищать его должно? Какъ можно надѣяться, чтобъ такой повѣренный, такой посредникъ и какъ бы истолкователь только, приложилъ столь же ревностное стараніе о чужемъ трудѣ, который не подъ его именемъ выставится?

Весьма худая также привычка довольствоваться прочтеніемъ однѣхъ краткихъ записокъ, которыя составляются или самими тяжущимися, въ надеждѣ найти въ Ораторѣ больше помощи, нежели въ собственныхъ своихъ способностяхъ, или кѣмъ нибудь изъ того рода стряпчихъ, кои хотя не могутъ сами говорить въ судахъ, берутъ однакожъ на себя то, что есть самое труднѣйшее въ рѣчи судебной. Ибо кто можетъ разсудить, что надобно сказать, о чемъ умолчать, что отклонить, перемѣнить и даже выдумать, по чему не есть Ораторъ, когда въ силахъ дѣлать труднѣйшее? Они по крайней мѣрѣ не столько бы вредили, если бы писали точно, что какъ происходило: но прибавляютъ къ тому побужденія, разныя обстоятельства и многое другое, чѣмъ дѣло еще болѣе портятъ; а между тѣмъ Ораторъ, не почитая себя въ правѣ перемѣнить что либо въ сихъ запискахъ, слѣдуетъ имъ въ точности, какъ ученикъ въ школѣ держится заданнаго ему предложенія: наконецъ

лишается успѣха, и подробности дѣла, о коихъ не хотѣлъ распросить самаго истца, узнаетъ отъ своего соперника.

II. Итакъ прежде всего дадимъ просящимъ у насъ совѣта и время и мѣсто: и сверхъ того уговоримъ ихъ изъяснять намъ свое дѣло, съ какимъ бы многословіемъ и повтореніями то они ни дѣлали. Ибо не такъ вредно слышать излишнее, сколько не знать нужнаго. Ораторъ часто найдетъ и болѣзнь и лѣкарство въ такихъ подробностяхъ, которыя тяжущимся казались не заслуживающими вниманія: при семъ не должно слишкомъ полагаться на свою память; а лучше въ краткихъ словахъ записывать слышанное.

И еще того мало, чтобъ выслушать однажды челобитчика: надобно заставлять его повторять одно и тоже нѣсколько разъ, не только для того, что иное можетъ онъ пропустить при первомъ изложеніи дѣла, что̀ особливо случается съ человѣкомъ не свѣдущимъ въ судебныхъ обрядахъ, но и для того, чтобы узнать, тоже ли скажетъ и въ другой разъ. Ибо многіе утаеваютъ истину, и какъ бы не объясняютъ, а защищаютъ свое дѣло, и говорятъ не какъ съ ходатаемъ, а какъ съ судьею. По сему-то никогда не должно имѣть къ таковымъ полнаго довѣрія: нужно со всѣхъ сторонъ испытывать его, сбивать въ рѣчахъ, и тѣмъ вывѣдывать правду.

Какъ обязанъ не только изцѣлять язвы видимыя, но и стараться узнавать болѣзни скрытыя, которыя иногда самъ больный утаеваетъ; такъ и адвокатъ долженъ болѣе видѣть, нежели ему показываютъ.

Такимъ образомъ, распросивъ и выслушавъ показанія того, кого защищать онъ намѣревается, принять на себя долженъ другое лице, представить собою защитника противной стороны, предлагать всѣ возможныя возраженія на доказательства своего кліента; дѣлать ему вопросы самые затруднительные и самые настоятельные. Ибо перебирая такимъ образомъ всѣ подробности, находимъ иногда истину тамъ, гдѣ наименѣе ожидали. Словомъ сказать, недовѣрчивый адвокатъ можетъ лучше всякаго другаго постигнуть качество дѣла. Ибо истецъ все обѣщаетъ; по его рѣчамъ, на его сторонѣ и свидѣтели, ему доброжелательствуетъ и народъ, за него ручаться всѣ готовы, и самый наконецъ соперникъ его противорѣчить ему во многомъ не можетъ.

III. По сему-то надлежитъ имѣть въ виду всякую бумагу, къ тяжебному дѣлу относящуюся: и не взглянуть, но прочитать со вниманіемъ. Ибо весьма часто такіе акты или совсѣмъ не содержатъ того, о чемъ увѣряетъ проситель, или заключаютъ меньше, чѣмъ онъ надѣялся: или могутъ быть частію не въ пользу нашу,

или будучи наполнены необычайными подробностями, теряютъ къ себѣ довѣріе. Наконецъ, иногда найдешь перерванный шнуръ, или поврежденную печать, или подложную подпись руки; чего если дома не осмотришь, то можешь предъ судомъ придти въ нечаянное замѣшательство: часто болѣе вредятъ доказательства оспоренныя, нежели повредили бы доказательства неприведенныя.

Ораторъ откроетъ много и такого, чего проситель не почиталъ принадлежащимъ къ своему дѣлу; для сего надобно ему пересмотрѣть всѣ показанные нами источники доводовъ; и какъ предъ судомъ нельзя уже, по вышеупомянутымъ причинамъ, перебирать ихъ одинъ за другимъ; то и необходимо нужно, при предварительномъ еще разсматриваніи дѣла, придумать, что̀ сказать можно въ отношеніи лицъ, мѣстъ, побужденій, обстоятельствъ, прикосновенныхъ къ тяжбѣ, и не только къ прочимъ искуственнымъ доводамъ, но и къ тому, какихъ свидѣтелей опасаться, и какъ опровергать ихъ показанія. Ибо весьма нужно знать, зависть ли, ненависть ли, или презрѣніе вооружаются противъ подсудимаго: первая обыкновенно возстаетъ противъ высшихъ, вторая преслѣдуетъ равныхъ, а третіе падаетъ на низшихъ.

Ораторъ, разсмотрѣвъ такимъ образомъ дѣло, и поставивъ у себя въ виду все, что можетъ благопріятствовать или вредить ему, наконецъ долженъ принять на себя третіе лице, то есть, лице судьи, вообразить, какъ будто бъ предъ нимъ самимъ производилось дѣло, и вѣрить, что тѣ убѣжденія, которыми бы самъ тронулся, если бы подлинно былъ судьею, суть дѣйствительно самыя сильныя, предъ кѣмъ бы онъ ихъ ни излагалъ: и тогда рѣдко обманется въ успѣхѣ, или виноватъ уже будетъ судья.

ГЛАВА IX.

ЧТО НАБЛЮДАТЬ ДОЛЖЕНЪ ОРАТОРЪ ВЪ РАЗСУЖДЕНІИ ТЯЖЕБНЫХЪ ДѢЛЪ, ЕМУ ПОРУЧАЕМЫХЪ.

I. Пользу истца долженъ предпочитать ожидаемой себѣ славѣ. — Не отказываться съ презрѣніемъ отъ дѣлъ маловажныхъ. II. Удерживаться отъ бранныхъ и поносительныхъ рѣчей. III. Быть усерднымъ и старательнымъ по своему званію.

I. Что наблюдать нужно Оратору при производствѣ тяжебныхъ дѣлъ, о томъ изложены правила на многихъ мѣстахъ сего сочиненія: здѣсь, по приличію, скажу нѣчто еще не столько о наукѣ Краснорѣчія, сколько о обязанностяхъ Оратора. И вопервыхъ, да не отвлекаетъ его, какъ бываетъ со многими, отъ существенной пользы защищаемаго имъ дѣла желаніе поминутныхъ рукоплесканій. Какъ полководецъ не всегда ведетъ свое войско по гладкимъ и пріятнымъ долинамъ; часто переходитъ съ нимъ чрезъ кру-

тые холмы, заставляетъ его осаждать крѣпости, на крутыхъ утесахъ построенныя, или сильными оборонительными пособіями огражденныя: такъ и Ораторъ, конечно, порадуется случаю, гдѣ можно распространить слово свое съ бо́льшею пышностію, и какъ бы на обширномъ полѣ развить и показать свои силы зрителямъ. Но если будетъ принужденъ войти въ трудные извороты правовѣденія, или извлечь истину изъ мрака, ее покрывающаго, тогда онъ не много выиграетъ, и пылкія и блистательныя мысли не послужатъ ему вмѣсто орудія: тутъ потребны для него сокрытые пути, подкопы, хитрости и увертки всякаго рода. Все сіе не тогда, какъ дѣлается, а когда сдѣлано будетъ, похваляется: по чему тѣ, кои меньше жадничаютъ похвалы, больше плода получаютъ. Ибо, коль скоро пустая высокопарность испорченнаго краснорѣчія перестанетъ между одобрителями ея производить шумъ, слава истиннаго достоинства возстанетъ на твердѣйшемъ основаніи: и судіи не прежде обнаруживаютъ благопріятное къ Оратору мнѣніе свое, и умные люди полагаютъ, что рѣчь только тогда почитается похвальною, когда будетъ кончена.

Древніе имѣли обычай прикрывать свое краснорѣчіе: и Антоній поставляетъ сіе за правило, дабы Ораторъ обращалъ къ себѣ болѣе довѣрія,

а меньше подозрѣнія на свое искуство и хитрости. Но тогдашнее краснорѣчіе могло быть удобно скрываемо, поелику не имѣло еще того блеску, которому нынѣ никакое препятствіе вырываться наружу не мѣшаетъ. По чему всѣ тонкости искуства, всѣ умышленные обороты онаго, словомъ, все, что, сдѣлавшись примѣтнымъ, теряетъ свою силу, должно быть тщательно затѣняемо. Краснорѣчіе и донынѣ имѣетъ свои тайны. Хотя выборъ словъ, важность мыслей, красота иносказаній, или вовсе не существуютъ, или оказываются явно. Но для сего-то самаго и не должно стараться ихъ обнаруживать, что онѣ сами, такъ сказать, въ глаза бросаются: и ежели позволенъ здѣсь выборъ, то я хотѣлъ бы, чтобъ лучше похвалено было дѣло, защищаемое Ораторомъ, нежели самъ Ораторъ. Сей цѣли достигнетъ онъ однако не иначе, какъ показавъ, что наилучшее дѣло защищаемо было также наилучшимъ образомъ; и то навсегда останется неоспоримымъ, что никто не говорилъ хуже, какъ тотъ, кто умѣетъ нравиться тогда, когда дѣло, имъ защищаемое, не нравится. Ибо надобно, чтобы то, чѣмъ нравится, совсѣмъ не принадлежало къ его предмету.

Ораторъ не долженъ также отказываться, изъ глупой гордости, отъ вспомоществованія по маловажнымъ тяжбамъ, почитая ихъ недостой-

нымъ трудовъ своихъ, или воображая, что маловажный предметъ уменшитъ его славу. Принимать такія дѣла на свое попеченіе есть существенный долгъ его; и желать надобно, чтобъ друзья наши имѣли, сколько можно, маловажнѣйшія разпри; и тотъ уже довольно хорошо говорилъ, кто удовлетворилъ своему предмету.

II. А иные, ежели случится имъ взять на себя такое дѣло, въ коемъ не льзя блеснуть краснорѣчіемъ, то прибѣгаютъ къ постороннимъ и къ предмету ихъ непринадлежащимъ украшеніямъ; а когда другихъ пособій не останется, то пустоту въ существенномъ наполняютъ укоризнами и ругательствами, гдѣ можно, основательными, а гдѣ не льзя, несправедливыми, лишь бы только показать свою остроту, и заставить слушателей рукоплескать себѣ во время рѣчи. Я почитаю сіе толико несвойственнымъ и чуждымъ для совершеннаго Оратора, что онъ даже и праведныхъ нарѣканій ни на кого произнести не захочетъ, если къ тому не принудятъ его обстоятельства и положеніе дѣла. Ибо то конечно на *собачій лай* (Canina eloquentia) похожее краснорѣчіе, какъ говоритъ Аппій, и всеобщаго порицанія достойное: такому Оратору надобно и самому вытерпѣть много непріятностей. Ибо часто и противъ него употребляется подобное же оружіе, и истецъ за продерзость своего за-

щитника несетъ наказаніе. Но это зло еще не великое въ сравненіи съ самимъ порокомъ, которымъ злоязычный отъ злодѣя различается только тѣмъ, что первый не имѣетъ случая злодѣйствовать на самомъ дѣлѣ. Охота чернить другъ друга есть удовольствіе безчеловѣчное, жестокое, и всякому честному слушателю противное, но часто требуемое тяжущимися, кои ищутъ болѣе мести, нежели защиты. Но ни сего и многаго другаго, по волѣ ихъ, дѣлать не должно. И какой благородный человѣкъ захочетъ, въ угодность другому, быть продерзкимъ?

Иные вооружаются бранью также на защитниковъ противной стороны: поступокъ безчеловѣчный, нарушающій всѣ общественныя одного къ другому обязанности, поступокъ извинительный только тогда, когда бываетъ вынужденъ; а безъ того, онъ и безполезенъ нападчику, поелику не отнимается и у другаго право отвѣчать ему тѣмъ же; и вреденъ самой тяжбѣ, поелику становится онъ уже явнымъ врагомъ защитнику противной стороны, и тѣмъ принуждаетъ его употребить всѣ усилія для одержанія побѣды. А что всего хуже, совсѣмъ уже изчезнетъ предъ глазами слушателей та скромность, которая словамъ Оратора придаетъ наибольшій вѣсъ и цѣну, коль скоро, вышедъ изъ благопристойности, человѣку честному свой-

ственной, прибѣгнетъ къ безчиннымъ ругательствамъ, и будетъ стараться не столько снискать благосклонность судьи, сколько удовлетворить гнѣву и мстительности истца, коего дѣло защищаетъ.

Есть также родъ излишней откровенности, которая часто доводитъ до дерзости, и которая не только для самаго дѣла, но и для защищающаго оное, бываетъ опасна. Периклъ не безъ причины молилъ боговъ, дабы не приходило ему на мысль ни единаго слова, коимъ могъ бы оскорбить народъ. Но что онъ думалъ о народѣ, я тоже разумѣю о всѣхъ тѣхъ, кои столько же вредить намъ могутъ. Ибо таже рѣчь, которая кажется только свободною и откровенною, когда говорится, называется уже дерзкою и глупою, когда ею кто нибудь оскорбится.

III. А какъ нынѣ каждый Ораторъ идетъ своимъ и почти совсѣмъ отличнымъ отъ другаго путемъ на своемъ поприщѣ, и однимъ трудъ и раченіе вмѣняется въ малоспособную медленность, а инымъ легкость и скорость въ дерзкое самонадѣяніе: то мнѣ кажется не излишнимъ упомянуть здѣсь, чего держаться долженъ Ораторъ между сими двумя крайностями.

Ему надобно всегда рѣчи свои обработывать съ величайшимъ раченіемъ; ибо не только лѣниваго, но и злаго человѣка, вѣроломнаго предателя

есть дѣло защищать принятое на себя дѣло хуже, нежели можетъ. По чему Ораторъ и не долженъ обременять себя порученіями свыше силъ своихъ.

Нужно ему прежде написать бо́льшую часть изъ того, о чемъ говорить намѣревается, и даже, какъ говоритъ Димосѳенъ, сколько можно въ лучшемъ порядкѣ. Но такимъ образомъ приготовиться позволяютъ только первыя судейскія засѣданія, когда излагается рѣчью одно дѣло, или когда слушаніе онаго по частямъ на нѣсколько дней располагается: но если понадобится вдругъ отвѣчать, то быть готовымъ на все нѣтъ возможности, такъ что не имѣющему довольно присутствія духа, положенное на письмо послужитъ къ замѣшательству, когда возраженія съ противной стороны заставятъ его говорить совсѣмъ о другомъ, нежели о чемъ онъ воображалъ. Ибо ему трудно будетъ отступить въ чемъ нибудь отъ приготовленнаго; оно будетъ у него на умѣ во все теченіе дѣйствія; ему будетъ представляться, не льзя ли чего нибудь взять оттуда и помѣстить въ отвѣтахъ или возраженіяхъ, къ которымъ прежде не готовился; и ежели сдѣлаетъ это, сдѣлаетъ несвязно, и рѣчь его не только сею несообразимостію мыслей, но и неровностію слога будетъ отличаться. Итакъ ни слова̀, ни движенія его не будутъ свободны:

лучшія мѣста, обработанныя со тщаніемъ, не будутъ соотвѣтствовать прочимъ частямъ рѣчи; отъ чего одно другимъ взаимно исказится. Ибо мысли, положенныя на бумагу, вмѣсто того, чтобъ слѣдовать своимъ порядкомъ, только лишь останавливаютъ и замедляютъ разумъ. По сему-то въ такихъ затруднительныхъ случаяхъ надобно стоять, какъ говоритъ простая пословица, твердо на обѣихъ ногахъ. А какъ всякое судное дѣло имѣетъ предметомъ или утвержденіе или опроверженіе какого нибудь предложенія; то относящееся къ утвержденію все можетъ быть предварительно написано, и даже на отвѣты, имѣющіе послѣдовать отъ соперника (ибо иногда предузнать ихъ легко) есть возможность приготовить опроверженіе.

Чтожъ касается до другихъ непредвидимыхъ вопросовъ или отвѣтовъ со стороны противной, на сіе есть два пособія: одно, чтобъ совершенно знать существо нашего дѣла; другое, со всякимъ вниманіемъ вслушиваться въ слова соперника. Однако можетъ Ораторъ и предвидѣть многое, и ко всему приготовить себя предварительно: это еще надежнѣе письма, потому что мысли тогда отклоняются отъ прежнихъ предметовъ и обращаются на новые удобнѣе.

Но и при отвѣтахъ на неожиданные вопросы или возраженія и при иныхъ потребностяхъ

говоритъ, не готовясь, никогда не смѣшается и не затруднится Ораторъ, котораго наука, знаніе и частое упражненіе снабдятъ способностію легко и скоро объясняться: онъ, какъ вооруженный ратай, всегда готовъ къ бою: ему столь же мало труда стоитъ говорить предъ судьями, какъ въ обыкновенной и дружеской бесѣдѣ: это отнюдь не заставитъ его страшиться бремени своего званія, лишь только бы достало ему времени для совершеннаго изслѣдованія того дѣла, которое защищать приступаетъ: ибо все прочее преодолѣть онъ въ состояніи.

ГЛАВА X.

О РОДѢ КРАСНОРѢЧІЯ СУДЕБНАГО.

I. Они различны въ Краснорѣчіи, такъ какъ въ Живописи и Ваяніи. — Исчисляетъ Римскихъ Ораторовъ, показывая, чѣмъ одинъ отъ другаго разнится. — Цицерона предпочитаетъ всѣмъ. II. О трехъ родахъ Краснорѣчія: Аттическомъ, Азіатскомъ, Родосскомъ. — Лучшій родъ Аттическій. — Латинское Краснорѣчіе не можетъ равняться съ Аттическимъ по причинѣ скудости языка. III. Опровергаетъ мнѣніе тѣхъ, кои отвергаютъ всякое въ рѣчи украшеніе. — Писать и говорить долженъ быть одинаковый способъ. IV. Еще говоритъ о родахъ Краснорѣчія: о высокомъ, величественномъ, среднемъ или цвѣтущемъ. — Каждый родъ надлежитъ приспособлять къ предметамъ рѣчи, и проч.

I. Мнѣ остается говорить о родѣ судебнаго Краснорѣчія. По начальному раздѣленію нашего сочиненія назначено для сего предмета третіе

мѣсто: ибо мы обѣщали говорить сперва о *художествѣ*, потомъ [redacted] *художникѣ*, [redacted] послѣ о *произведеніи*. А какъ Краснорѣчіе есть произведеніе Риторики и Оратора, и можетъ превращаться [redacted] многія формы: то и слѣдуетъ, что [redacted] *художество* и *художникъ*, какъ [redacted] покажу ниже, въ томъ участвуютъ: однако формы сіи разнятся одна отъ другой не только частно, какъ статуя отъ статуи, картина отъ картины, и дѣйствіе отъ дѣйствія; но и въ родѣ, какъ статуи Греческія отъ Тосканскихъ и Краснорѣчіе Азіатское отъ Аттическаго. Сіи роды произведеній, [redacted] которыхъ я говорю, имѣютъ какъ своихъ художниковъ, такъ и своихъ любителей: по сему-то еще не было доселѣ совершеннаго Оратора; и не знаю, не должно ли того [redacted] заключить о всякой наукѣ и художествѣ, [redacted] только по тому, что въ одномъ лучше то качество, въ другомъ иное, [redacted] и для того, что иному та форма нравится, иному другая, отъ части по обстоятельствамъ или мѣста или времени, отъ части по разсужденію и вкусу каждаго художника.

Напримѣръ, полагаютъ, что первые знаменитые живописцы, коихъ произведенія [redacted] по одной древности цѣнить должно, были Полигнотъ и Аглаофонтъ: простая, не оттѣненная разными красками живопись ихъ до того еще плѣняетъ нѣкоторыхъ, что почти грубые и едва

предзнаменующіе раждающееся искусство опыты предпочитают они произведеніям величайших художников, после того живших; но, мне кажется, происходит это от одного тщеславія показать себя знатоками. Потом Зевксис и Парразій весьма много способствовали успехам сего искусства: они оба жили около времен Пелопоннезской войны; ибо в Исторіи у Ксенофонта находим разговор, который был у Сократа с Парразіем. Сказывают, что первый из сих живописцев изобрел способ наводить свет и тени, а другой в очерках наблюдал более точности; Зевксис любил изображать члены человеческаго тела в величине выше надлежащей, находя в том более благородства и достоинства; в этом, как думают, подражал он Гомеру, который в описаніях своих представлял и самых женщин в видах мужественных и крепких. Парразій же во всем соблюдал такую соразмерность и точность, что и поныне почитается законодателем живописцев; поелику оставшіяся после его картины, изображающія богов и героев, служат как будто необходимыми образцами для всех художников.

Со времени царствованія Филиппа и даже до преемников Александра, искуство сіе еще далее простёрло свои успехи, но только в разных

родахъ красотъ и дарованій. Ибо Протогенъ отдѣлкою, Памфилъ и Меланѳій, расположеніемъ, Антифилъ легкостію кисти, Ѳеонъ Самосскій изобрѣтеніемъ, Апеллесъ замысловатостію и красотами, которыми онъ самъ весьма часто хвалился, по всей справедливости славились: но Евфраноръ еще тѣмъ заслуживаетъ удивленіе, что при всѣхъ упомянутыхъ качествахъ, преимущественно предъ прочими, былъ вмѣстѣ и живописецъ и ваятель превосходный.

Такова же разность и въ ваяніи. Обдѣлка Калона и Егезія была груба, и походила почти на обдѣлку Тосканскихъ статуй; Каламисъ работалъ уже чище; а Миронъ послѣ еще болѣе успѣлъ.

Въ произведеніяхъ Поликлета находимъ уже правильность и нѣкоторую красоту: ему хотя многіе отдаютъ предъ всѣми преимущество, однако полагаютъ, что при великомъ искуствѣ, недоставало ему силы. Ибо людей изображалъ, кажется, въ видѣ высшемъ природы человѣческой, а величество боговъ представить былъ не въ силахъ. По сему-то, какъ сказываютъ, боялся брать себѣ за предметъ возмужалость и сановитость, и занимался только нѣжною юностію.

Но чего недоставало въ Поликлетѣ, то приписываютъ Фидію и Алкамену. Однако по преданіямъ извѣстно, что Фидій лучше представлялъ

боговъ, нежели людей. Работа его изъ слоновой кости выше всякаго подражанія; хотя бы не было инаго доказательства его искуству, кромѣ Минервы въ Аѳинахъ или Олимпійскаго въ Элидѣ Юпитера, красота коего еще болѣе усугубляла, кажется, тогдашнее благоговѣніе народовъ; толико-то величіе произведенія равнялось съ величіемъ сего бога.

Вообще полагаютъ, что Лисиппъ и Пракситель ближе всѣхъ и удачнѣе изображали природу. Чтожъ касается до Димитрія, порицаютъ его съ сей стороны уже излишествомъ: онъ болѣе заботился о сходствѣ, нежели о красотахъ.

Ежели разобрать всѣ виды Краснорѣчія, то найдемъ такое же различіе въ умахъ, какъ и въ тѣлахъ. Но были роды слога грубаго и по обстоятельствамъ времени слишкомъ жестокаго, впрочемъ показывавшаго великую силу и твердость ума. Таковы были рѣчи Леліевъ, Африкановъ, Катоновъ, Гракховъ, которыхъ можно сравнить съ Полигнотами или съ Калонами. Средины между ими держались Л. Крассъ и Кв. Гортензій. Потомъ возникло, почти въ одно и тоже время, множество превосходныхъ Ораторовъ, но съ различными качествами. Начали удивляться силѣ Цезаря, природному уму, непринужденности Целія, тонкости Каллидія, важности Брута, остротѣ Сулпиція, ѣдкости Кассія, точности Полли-

она, достоинству Мессалы, скромности Кальва. Между современниками же нашими отличались обиліемъ Сенека, выразительностію Африканъ, основательностію Афръ, пріятностію Криспъ, удивительнымъ произношеніемъ Трахаллъ, изящностію Секундъ.

А въ М. Тулліѣ имѣемъ мы не только Евфранора съ различными дарованіями, но и мужа со всѣми превосходными качествами, коимъ удивляемся въ прочихъ. Однако зависть современниковъ не устыдилась преслѣдовать его: говорили, что слогъ у него надутый, Азіатскій, растянутый, наполненный излишними повтореніями и низкими шутками, неровный, нескладный, и, что всего несправедливѣе, слабый и женоподобный. Когда же осужденъ былъ на изгнаніе Тріумвирами и сдѣлался жертвою ихъ жестокости, то и враги, и завистники, и соперники, и даже льстецы возникшаго могущества, безъ пощады на него напали, когда уже не боялись отраженія.

Однако сей же самый Ораторъ, коего слогъ казался нѣкоторымъ слишкомъ простъ и сухъ, отъ самыхъ враговъ своихъ могъ заслужить порицаніе не за иное что, какъ за то, что въ твореніяхъ своихъ съ избыткомъ показывалъ плодовитость ума и разсыпалъ красоты. Хотя то и другое ложно, по крайней мѣрѣ нареканіе въ послѣднемъ было бы нѣсколько основательнѣе. Осо-

бенно же возставали противъ него тѣ, кои желали показать себя подражателями Аттическаго слога. Они уподоблялись людямъ какой нибудь особенной секты, почитавшимъ Цицерона за иностранца, напоеннаго суевѣріями своей земли и никогда оставить ихъ не могущаго. По сему-то еще и нынѣ есть Ораторы, кои въ сочиненіяхъ своихъ не имѣютъ ни плодовитости, ни силы (ибо они слабость свою прикрываютъ именемъ здоровья и крѣпости, хотя то означаетъ совсѣмъ противное); поелику они, яснѣйшаго свѣта Краснорѣчія, какъ солнечнаго сіянія, сносить не могши, стараются прикрыть себя, защититься, тѣнію великаго имени. Но какъ самъ Цицеронъ, на многихъ мѣстахъ сочиненій своихъ, на сіе достаточно отвѣтствовалъ, то я и не почитаю за нужное распространяться о семъ предметѣ.

II. Съ давнихъ временъ начали раздѣлять слогъ на Азіатскій и Аттическій: первый всегда почитался надутымъ и пусторѣчивымъ, а другой краткимъ, чистымъ и сильнымъ: въ первомъ нѣтъ ничего излишняго, въ другомъ недостаетъ точности и мѣры. Сіе нѣкоторые, въ томъ числѣ и Сантра, приписываютъ тому, что, какъ Греческій языкъ сталъ мало по малу входить въ употребленіе, распространяться въ ближайшихъ городахъ Азіи, то жители сихъ странъ,

не научась еще говорить на оном правильно, принялись за обильное красноречіе, и то, чего не могли выражать собственно, начали означать околичностями, а послѣ и навсегда при томъ остались. Но мнѣ кажется, что такая разность въ слогѣ произошла отъ природнаго свойства и говорящихъ и слушающихъ; поелику Аѳиняне, бывъ остроумны и понятны, ничего излишняго и пустаго не терпѣли; Азіатцы же, будучи народъ тщеславный и надменный, сообщили и образу выраженій своихъ такую же пустую высокопарность.

Тѣ, кои полагали сіе между упомянутыми родами слога различіе, прибавляли къ тому еще Родійскій, какъ средній и изъ обоихъ первыхъ смѣшанный. Ибо слогъ сей не такъ сжатъ и краткокъ, какъ Аттическій, и не такъ изобиленъ и растянутъ, какъ Азіатскій, такъ что, кажется, есть въ немъ нѣчто заимствованное и отъ характера народа и отъ качества сочинителя. Ибо Есхинъ, избравъ Родосъ мѣстомъ своего изгнанія, принесъ туда изъ Аѳинъ науки, которыя, наподобіе растѣній, на иную почву земли и въ иный климатъ перенесенныя, переродясь, смѣшали вкусъ Аттическій со вкусомъ чужестраннымъ. По сей причинѣ слогъ Родійскій, хотя нѣсколько тяжелъ и медленъ, однако не безъ важности: его можно уподобить

не источнику прозрачному, и не потоку мутному, а тихому озеру.

Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ родовъ слога, Аттическій есть самый лучшій. Въ немъ есть нѣчто общее всѣмъ прочимъ родамъ, то есть, онъ требуетъ тонкаго и вѣрнаго вкуса, а отличается отъ другихъ, смотря по качеству умовъ. По чему, мнѣ кажется, тѣ ошибаются весьма много, кои Аттическій слогъ находятъ только въ Ораторахъ, легкихъ, ясныхъ и выразительныхъ, но довольныхъ небольшою долію краснорѣчія, и держащихъ руку всегда подъ епанчею. Кто же можетъ намъ служить примѣромъ Аттическаго слога? Пусть будетъ Лисіасъ: и дѣйствительно сему Оратору подражаютъ любители Аттическаго слога. Итакъ не отсылаютъ уже насъ къ Кокку и Антокиду.

Однако хотѣлъ бы я спросить, въ Аттическомъ ли слогѣ говорилъ Исократъ? Ибо слогъ Исократа совершенно отличенъ отъ слога Лисіаса. Мнѣ скажутъ, что слогъ перваго не Аттическій? Но изъ его-то именно школы вышли величайшіе, славнѣйшіе Греческіе Ораторы. Равно спрошу: у Иперида не Аттическій ли былъ слогъ? Такъ точно. Однако у него весьма много красотъ въ словѣ. Я не говорю о многихъ другихъ, какъ-то о Ликургѣ и Аристогитонѣ, ни о ихъ предшественникахъ Исеѣ, Антифонтѣ, кои,

будучи другъ съ другомъ схожи въ родѣ Краснорѣчія, различались только въ видѣ.

Что скажемъ о Есхинѣ, о коемъ упомянули мы выше? Не обильнѣе ли, не смѣлѣе ли, не возвышеннѣе ли былъ онъ и тѣхъ, коихъ теперь наименовали? А Димосѳенъ, своею высокостію, силою, стремительностію, пріятностію, расположеніемъ, не превосходилъ ли всѣхъ тѣхъ Ораторовъ, кои боялись отступить отъ строгой точности и робкой осмотрительности? Не возносится ли онъ выше общихъ мѣстъ, выше обыкновенныхъ мыслей? Отвергаетъ ли фигуры? Не блеститъ ли иносказаніями? Не заставляетъ ли говорить даже существа безсловесныя? Когда клянется тѣнями защитниковъ отечества, падшихъ при Саламинѣ и на поляхъ Мараѳонскихъ, не ясно ли показываетъ, что Платонъ былъ его наставникомъ? Но можно ли назвать слогомъ Азіатскимъ слогъ Платона, который равняется съ мужами, вдохновенными свыше? Что сказать о Периклѣ? Не уже ли походилъ онъ на осторожнаго и тихаго Лисіаса, когда Комики, въ досадѣ на него, уподобляли его краснорѣчіе молніеносному грому?

Итакъ для чего полагать, что Аттическій вкусъ имѣютъ единственно тѣ Ораторы, у коихъ рѣчь течетъ съ медленностію, какъ слабая струя воды пробирается съ трудомъ по мелкимъ

камешкамъ? Для чего только на сухой почвѣ искать пріятный запахъ тмина? Я думаю, что, ежели такіе цѣнители видятъ здѣсь болѣе плодородія и жатвы, нежели гдѣ индѣ, то конечно захотятъ оспоривать у Аттика и самое качество земли по тому, что она приноситъ болѣе, нежели сколько принимаетъ въ свое нѣдро, — и что, шутя, приписалъ ей такое свойство. Итакъ, ежели бы кто къ тѣмъ высокимъ качествамъ Димосѳена, какія имѣлъ сей великій Ораторъ, присовокупилъ и тѣ, коихъ въ немъ, по видимому, не доставало, или какъ несвойственныхъ его уму, или какъ противныхъ образу правленія, ежели бы кто, говорю, нашелъ искуство еще сильнѣе трогать страсти, не уже ли сказали бы слушатели: *Димосѳенъ такъ не говорилъ?* И ежели бы нашлася рѣчь еще благозвучнѣе рѣчей Димосѳеновыхъ, чему можетъ быть повѣрить не льзя, но ежели бы такая рѣчь нашлася, не уже ли бы она не была во вкусѣ Аттическомъ? О семъ названіи надлежитъ имѣть лучшее понятіе, и знать, что писать и говорить слогомъ Аттическимъ есть наилучшій способъ для Оратора.

Однакожъ оставаться при такомъ мнѣніи еще позволительнѣе Грекамъ. И дѣйствительно Латинское Краснорѣчіе, что касается до изобрѣтенія, расположенія, намѣренія и прочихъ сего

рода качествъ, не разнится отъ Греческаго Краснорѣчія, и во всемъ беретъ примѣръ съ онаго; но образомъ выраженій едва ли подражать ему можетъ съ удачею.

Ибо у Грековъ, вопервыхъ, и выговоръ благозвучнѣе нашего; да у насъ же нѣтъ самыхъ пріятныхъ въ произношеніи буквъ, ихъ гласной V и согласной Z, которыя мы обыкновенно заимствуемъ у нихъ, когда употребляемъ собственныя ихъ имена: тогда, не знаю, какимъ-то образомъ рѣчь наша становится веселѣе, какъ, напримѣръ, въ словахъ *Zephyris* и *Zopyris*, которыя, будучи написаны нашими буквами, имѣютъ произношеніе глухое и варварское, и какъ будто на мѣсто ихъ поступаютъ унылыя и непріятныя; чего у Грековъ не бываетъ.

Да и шестая въ нашей азбукѣ буква *F* издаетъ звукъ почти не человѣческаго голоса; или лучше сказать, произносится совсѣмъ не голосомъ, а посредствомъ воздуха, между зубовъ съ силою испускаемаго: когда же она стоять будетъ близко гласной, теряетъ нѣкоторымъ образомъ свою силу, какъ, на примѣръ, въ словѣ *frangit;* а когда за нею слѣдуетъ согласная, то, пріостанавливая нѣсколько звукъ, дѣлается еще грубѣе и непріятнѣе.

Еолійской также буквы (digamma), коею произносимъ *Servum* и *Cervum*, начертаніе хотя у

насъ отвергнуто, но силу ея по неволѣ сохранили въ произношенiи нѣкоторыхъ словъ.

Грубыми дѣлаетъ слоги и буква *Q*, и нужна только для соединенiя стоящихъ подлѣ себя гласныхъ, какъ, напримѣръ, когда пишемъ *Equos* и *Equum*; а впрочемъ совсѣмъ излишна; да и сiи самыя гласныя обѣ издаютъ звукъ, коего нѣтъ у Грековъ, и коего не льзя потому представить ихъ буквами.

Кромѣ того, бо́льшая часть реченiй оканчиваются у насъ буквою *M*, коей звукъ производитъ какъ бы нѣкоторое мычанiе; каковыхъ словъ въ Греческомъ языкѣ не находится. Греки, на мѣсто ея, ставятъ *V*, букву благозвучную, и особливо на концѣ какъ бы звѣнящую, а у насъ весьма рѣдко употребляемую въ окончанiяхъ.

А что сказать о слогахъ нашихъ, имѣющихъ на *B* и *D* ударенiе толь грубое, что многiе хотя не изъ самыхъ Древнихъ, однако изъ Древнихъ, пытались умягчать оное, не только произнося *Aversa* вмѣсто *Abversa*, но и въ предлогѣ *ab* къ буквѣ *B* прибавляя *S*, которая сама по себѣ не очень прiятна для слуха.

Прибавьте къ сему, что и ударенiя наши, по причинѣ нѣкоей жесткости и по недостатку самаго разнообразiя, не такъ сладкозвучны, какъ у Грековъ: поелику послѣднiй слогъ не возвышается *острого*, ни умягчается *облеченного* си-

лою, а оканчивается всегда одною *тяжкою* или двумя тяжкими. И Греческій языкъ благозвучіемъ своимъ далеко превосходитъ Латинскій, такъ что наши Стихотворцы, желая придать сочиненію своему больше пріятности, украшаютъ оное вмѣшиваніемъ Греческихъ словъ.

Всего же важнѣе, что весьма многія вещи не имѣютъ названій на Латинскомъ языкѣ: такъ что мы принуждены бываемъ изъяснять ихъ переносными, или окольными выраженіями. Да и въ тѣхъ именованіяхъ, которыя уже имѣемъ, мы такъ бѣдны, что одно и тоже слово весьма часто употребляемъ въ разныхъ случаяхъ: а Греки не только словами, но и идіомами или нарѣчіями отъ кореннаго языка своего богаты.

Итакъ кто требуетъ отъ насъ красотъ Аттическаго слога, пусть дастъ намъ такую же пріятность и такое же обиліе выраженій. А какъ это дѣло невозможное, то остается намъ стараться сообразовать мысли свои къ словамъ, каковы у насъ есть; и предметъ, гдѣ потребна крайняя нѣжность, не облекать въ рѣченія, не хочу сказать, тяжелыя, по меньшей мѣрѣ слишкомъ сильныя, дабы то и другое качество не истребить чрезъ взаимное ихъ смѣшеніе. Ибо чѣмъ менѣе пособія подаетъ намъ языкъ, тѣмъ болѣе старанія надлежитъ обратить на изобрѣтеніе: постараемся изъ самаго предмета извлекать вы-

сокія и разнообразіемъ нравящіяся мысли; трогать сердца, возбуждая нужныя для насъ чувствованія, и блескомъ фигуръ украшать рѣчь нашу.

Мы не можемъ имѣть въ словѣ такой тонкости, заманчивости, какъ Греки? Мы потщимся имѣть болѣе силы. Они превосходятъ насъ легкостію слога? Мы можемъ дать словамъ своимъ больше вѣсу. Имъ свойственнѣе выразительность реченій? Замѣнимъ это богатствомъ и великолѣпіемъ. У Грековъ самые посредственные умы могутъ находить надежныя для себя пристанища? А мы имѣемъ больше парусовъ для плаванія: но для сего потребно болѣе и вѣтру. Да не всегда будемъ держаться открытаго моря: иногда надобно держаться и береговъ. Они имѣютъ болѣе удобности приставать повсюду: а я не буду слишкомъ удаляться въ море, и постараюсь найти средство спасти лодью мою отъ сокрушенія.

Ибо ежели Греки болѣе успѣваютъ въ предметахъ малыхъ и требующихъ отмѣнной легкости, то въ семъ одномъ только насъ они превосходятъ, а потому и не споримъ съ ними о первенствѣ относительно комическихъ твореній; однако и сей родъ слога совсѣмъ оставлять не надобно, а паче надлежитъ стараться успѣть и въ этомъ, сколько можемъ: по крайней мѣрѣ,

можемъ сравниться съ ними въ выборѣ и соображеніи предметовъ: чтожъ касается до красоты выраженій, поелику ихъ въ языкѣ своемъ не имѣемъ, необходимость заставляетъ дополнять сей недостатокъ другими украшеніями. Развѣ не былъ Цицеронъ и остроуменъ, и кротокъ, и ясенъ? И развѣ возвышался паче мѣры? Развѣ не отличался М. Коллидій сего рода простотою? Сципіонъ, Лелій, Катонъ не были ли Римскіе, такъ сказать, Аттики? Не должно ли довольствоваться тѣмъ, чего лучше найти уже не можно?

III. Въ добавокъ къ вышепоказаннымъ предразсудкамъ, нѣкоторые думаютъ, что прямое, естественное краснорѣчіе должно уподобляться, быть совершенно похоже на тотъ обыкновенный образъ изъясненія мыслей, какой вседневно употребляемъ мы съ друзьями, супругами, дѣтьми, служителями, и довольствуемся простымъ изъявленіемъ нашей воли, не прибѣгая къ хитростямъ науки: они воображаютъ, что все къ тому прибавляемое есть одно прихотничество, пустое самохвальство, затемненіе истины, безполезная игра словъ, коихъ единственное назначеніе есть просто выражать мысли: какъ тѣла атлетовъ, хотя отъ упражненія и отъ употребленія извѣстныхъ яствъ дѣлаются крѣпче и сильнѣе, теряютъ однако естественный видъ,

природою человѣку данный. Къ чему, говорятъ они, означать вещь оговорками, метафорами, то есть, многими и чужими названіями, когда каждая имѣетъ свое собственное имя? Наконецъ утверждаютъ, что люди первыхъ временъ говорили чистымъ языкомъ природы; и что потомъ начали уподобляться стихотворцамъ, и составили хотя съ меньшею смѣлостію, но столь же ложный и несвойственный родъ мнимаго Краснорѣчія.

Сіе возраженіе не совсѣмъ несправедливо: не надлежитъ отъ собственныхъ и общихъ реченій отступать такъ далеко, какъ нѣкоторые дѣлаютъ. Но ежели кто, какъ сказано въ главѣ о Сочиненіи, къ нужному, которое меньше всего, прибавитъ что̀ ни есть лучшаго, тотъ не подвергнетъ себя сему нарѣканію. Ибо простый, обыкновенный разговоръ, мнѣ кажется, по самому существу своему разнится отъ рѣчи ораторской: ежели бы для Оратора довольно было только указать на вещи, то ему ничего не оставалось бы дѣлать, кромѣ наблюденія свойственнаго смысла въ словахъ: но поелику должность его есть нравиться, трогать, производить въ слушателяхъ разныя впечатлѣнія, то можетъ употребить тѣже пособія, которыя даны намъ также отъ природы: ибо и укрѣплять себѣ тѣло упражненіемъ, пріумножать силы, давать лицу

здоровый цвѣтъ, естественно принадлежитъ всякому. По сему-то во всѣхъ народахъ одинъ другаго почитается краснорѣчивѣе и пріятнѣе въ выраженіи мыслей своихъ: безъ чего всѣ были бы равны, и всѣмъ бы тоже приличествовало; но они, говоря, разбираютъ различіе лицъ, къ которымъ рѣчь обращаютъ; а кто словами чѣмъ больше дѣйствія производитъ, тѣмъ ближе подходитъ къ естественному Краснорѣчію.

По сей причинѣ я не совсѣмъ не согласенъ и съ тѣми, кои думаютъ, что нужно иногда принаравливаться ко временамъ и слушателямъ, когда требуется и нѣкоторая прикраса и изысканность. Итакъ я не только не думаю, чтобы первымъ Ораторамъ подражали Катонъ и Гракхи; но полагаю, что и сихъ послѣднихъ нынѣ брать за образцы не должно. Я нахожу, что и самъ Цицеронъ, имѣя всегда пользу въ виду, удѣлялъ нѣкоторую часть слова своего и на удовольствіе слушателя, говоря, что онъ, поступая такимъ образомъ, искалъ выгодъ для тяжущагося. Ибо чѣмъ нравился, тѣмъ самымъ былъ и полезенъ. Я не знаю, можно ли что прибавить къ прелестямъ его слога; развѣ только то, чтобъ мы нынѣ суднымъ рѣчамъ своимъ придавали болѣе остроты и блеску. Ибо не льзя, не повредивъ изложенію дѣла и не потерявъ Ораторской важ-

ности, чтобъ сіи частые и непрерывные блески взаимно не помрачали другъ друга.

Но да не употребитъ кто-либо во зло моей поблажки: я сообразуюсь со вкусомъ нашего времени: тога на Ораторѣ должна быть не изъ грубой, но и не изъ шелковой ткани; голова причесана и въ порядкѣ, но не убрана высокою и кудрявою прическою: когда не имѣемъ виновнаго желанія нравиться роскошію и распутствомъ, тогда всякая благопристойная одежда красива. Впрочемъ то, что мы по просту называемъ *остротами* (sententiae) не было у Древнихъ, и особливо у Грековъ, въ употребленіи, а встрѣчается индѣ у Цицерона; однако, ежели онѣ состоятъ не въ однѣхъ словахъ, не слишкомъ часто встрѣчаются, и клонятся къ выгодамъ защищаемаго дѣла, то кто назоветъ ихъ безполезными? Онѣ поражаютъ умъ и часто однимъ разомъ возбуждаютъ его на рѣшимость, кромѣ того, что самою краткостію своею болѣе впечатлѣваются, и особеннымъ оборотомъ своимъ сильнѣе убѣждаютъ.

Хотя сіи живыя и разительныя черты и кажутся нѣкоторымъ позволительными въ устахъ Оратора, однако не на письмѣ. Мнѣ не должно здѣсь оставить и сего мнѣнія безъ изслѣдованія; поелику многіе ученые мужи полагали различіе въ образѣ, какъ говорить и какъ писать надобно,

основываясь на томъ, что иные, снискавши великую славу на каѳедрахъ, ничего рукописнаго не оставили потомству, какъ-то Периклъ и Демадъ; другіе напротивъ прекрасно сочиняли, но къ произношенію способны не были, какъ Исократъ: что сверхъ того, говоря съ каѳедры, Ораторъ увлекается болѣе стремительностію мыслей, употребляетъ, для поддержанія рѣчи, смѣлѣйшія украшенія; ибо ему надобно тронуть и наставить людей грубыхъ. А что пишется въ книгахъ и выдается за образецъ, то должно быть пересмотрѣно, вычищено, и сходственно съ порядкомъ и правилами; поелику можетъ попасться въ руки людей ученыхъ и подвергнуться суду свѣдущихъ въ томъ же искуствѣ....

Мнѣ кажется, что говорить хорошо и хорошо писать есть одно и тоже: рѣчь написанная не иное что есть, какъ памятникъ рѣчи произнесенной. Почему въ томъ и другомъ случаѣ нѣтъ красотъ, которыхъ бы она, по мнѣнію моему, вмѣщать не долженствовала; я не говорю впрочемъ, чтобы совсѣмъ не имѣла никакихъ недостатковъ. Ибо знаю, что невѣжды иногда и недостатками плѣняются.

Какая же должна быть разница между рѣчію, на каѳедрѣ произнесенною и рѣчію, въ свѣтъ изданною? Ежели бы Ораторъ говорилъ всегда предъ судилищемъ мужей мудрыхъ, то конечно

нашелъ бы я много излишняго не только у Цицерона, но и у самаго Димосѳена, коего слогъ гораздо, такъ сказать, подбористѣе и сжатѣе. Ибо тогда не надобно было бы ни трогать страстей, ни ублажать судей сладкорѣчіемъ; самый Приступъ былъ бы вовсе безполезенъ, какъ думаетъ Аристотель. Мудрый не увлечется Ораторскою хитростію; изложить дѣло просто и ясно, подкрѣпить оное доказательствами, сего уже ему и довольно.

Но когда имѣеть судьею или народъ, или людей, изъ народа избранныхъ, и когда подающіе мнѣніе бываютъ часто малопросвѣщенны, а иногда и простые поселяне; тогда, для достиженія цѣли своей, надлежитъ Оратору употреблять всѣ возможныя средства; сіи пособія долженъ онъ показать во всей силѣ ихъ, и когда говоритъ, и когда пишетъ, дабы научить и другихъ, какъ поступать въ подобныхъ случаяхъ надобно. Не уже ли подумаемъ, что Цицеронъ и Димосѳенъ иначе говорили, нежели писали? По чему иному сіи превосходные Ораторы сдѣлались извѣстны намъ, какъ не по своимъ писаніямъ? Итакъ они говорили лучше или хуже? Ибо ежели хуже, то надобно думать, что они говорили такъ, какъ писали: ежели лучше, то вѣрно такъ писали, какъ говорили.

Такъ по этому Ораторъ, скажутъ мнѣ, долженъ всегда говорить такъ, какъ пишетъ? Конечно всегда, ежели можно будетъ: а когда не позволитъ того краткость времени, опредѣленнаго судьею для выслушанія, то многое изъ того, о чемъ говорить намѣревались, можно выкинуть: а въ свѣтъ издастся вся рѣчь въ цѣлости. Рѣчь же, говоренная сообразно способностямъ слушателей, не должна идти въ потомство въ семъ грубомъ видѣ, дабы не была приписана вкусу нашему, а не обстоятельствамъ времени. Ибо равно великая важность состоитъ и въ томъ, чтобы замѣчать, какимъ образомъ принимаетъ судья слова наши: почему Ораторъ долженъ почасту обращать на него глаза свои, какъ Цицеронъ предписываетъ. И для сего надлежитъ ему настаивать на томъ, что слушаетъ судья съ удовольствіемъ, и тотчасъ оставлять то, что производитъ противное въ немъ дѣйствіе. Паче всего нужно избирать такой образъ изъяснять свои мысли, который бы наиболѣе служилъ ко вразумленію судьи въ наше дѣло.

И въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, когда, по снисхожденію къ свидѣтелямъ, перемѣняемъ нѣчто и въ словахъ и въ выговорѣ. Одинъ Ораторъ спросилъ въ судѣ у одного простаго крестьянина, знаетъ ли онъ Амфіона? Сей отвѣчалъ отрицательно. Тогда умный Ораторъ, отнявъ вдыха-

тельное удареніе въ имени Амфіона, произнесъ вторый слогъ кратко, и крестьянинъ, понялъ его, сказавъ, что знаетъ Амфіона. Такіе случаи заставляютъ иногда говорить иначе, нежели пишется; но говорить такъ, какъ пишемъ, не извинительно.

IV. Есть другое раздѣленіе, которое и само имѣетъ три части, и по которому, кажется, хорошо различить можно роды Краснорѣчія. Первый по сему раздѣленію родъ называется у Грековъ *утонченнымъ* (ἰσχνὸν). Вторый *сильнымъ* (ἁδρὸν). Третій, ἀνθηρὸν, иные называютъ среднимъ между двумя первыми родами, другіе цвѣтущимъ, поелику Греческое слово сіе точно означаетъ. Изъ сихъ трехъ родовъ первый употребляется для изложенія дѣла, вторый для возбужденія страстей, третій, подъ тѣмъ или другимъ именемъ, для снисканія благосклонности въ слушателяхъ, или для утишенія сильныхъ чувствованій. Для изложенія же потребна острота и точность, для снисканія благосклонности и примиренія кротость, для возбужденія страстей, сила.

Итакъ слогъ тонкій (subtilis) имѣетъ особенное свое дѣйствіе въ повѣствованіи и приводѣ доказательствъ; такъ что, независимо отъ другихъ качествъ, онъ самъ собою бываетъ для сего достаточенъ. Средній родъ, будучи напол-

*

ненъ болѣе метафорами, украшенъ фигурами, плѣняетъ удачными отступленіями, благоприличіемъ выраженій и изяществомъ мыслей: онъ течетъ тихо, подобно прозрачнымъ водамъ рѣки, коей берега съ обѣихъ сторонъ осѣняются зеленѣющимися лѣсами. Слогъ же сильный, увлекаетъ слушателей противъ ихъ воли: тщетно сопротивленіе: быстрые порывы принуждають слѣдовать невольнымъ впечатлѣніямъ: онъ, какъ стремительный потокъ, уносящій съ собою самые камни, разторгающій мосты и всякія преграды, обращаетъ умы туда, куда сила его устремляется.

Здѣсь-то Ораторъ вызываетъ и мертвыхъ изъ гробовъ и выводитъ на зрѣлище, какъ Цицеронъ (Pro Coel. 33.) вывелъ слѣпца Аппія: здѣсь-то самое отечество произноситъ вопль и жалобы, какъ бы съ кѣмъ нибудь бесѣдуя. Примѣръ сему находимъ въ рѣчи, говоренной Цицерономъ въ Сенатѣ противъ Катилины (1. Catil. 18). Здѣсь-то возвышаетъ слово свое сильными распространеніями и смѣлыми преувеличеніями. *Какая пучина ненасытнѣе любостяжательности сего человѣка?* (2. Philip. 67.) И: *По истинѣ, ни самый Океанъ со своими пучинами.* Мѣста сіи извѣстны любителямъ Краснорѣчія. Здѣсь-то самыхъ боговъ низводитъ въ собраніе, и къ нимъ обращаетъ рѣчь свою (Pro Mil. 85.) *Вами, Албанскія дубравы*

и гробницы, вами, говорю, священные жертвенники, сопричисленные къ богослуженію Римлянъ и равно ими чтимые, но симъ чудовищемъ непощаженные, здѣсь свидѣтельствуюсь. Имъ-то возбудитъ въ судіяхъ негодованіе, то внушитъ соболѣзнованіе: имъ выразитъ: *Васъ увидѣлъ, и пролилъ слезы, и просилъ твоей помощи:* и такимъ образомъ произведетъ въ нихъ желаемыя чувствованія; и судья, развлекаясь имъ, не помыслитъ, правильно ли излагаемъ мы свое дѣло.

Почему, ежели изъ сихъ трехъ родовъ необходимо нужно избрать который нибудь одинъ, то кто усумнится предпочесть сей послѣдній всѣмъ прочимъ, какъ самый сильный, бо́льшее дѣйствіе производящій, и самый приличнѣйшій важнымъ и великимъ судопроизводствамъ? Ибо и Гомеръ влагаетъ въ уста Менелаю краснорѣчіе съ пріятною краткостію, чуждое многословія, съ чистотою выраженій, и чуждое всякаго излишества. И въ этомъ состоитъ совершенство перваго изъ помянутыхъ родовъ. Рѣчь Нестору далъ сладчайшую паче меда, и пріятностію своею выше всякаго подражанія. Но, желая представить высокое краснорѣчіе Улисса, присовокупилъ къ тому обиліе, величіе, и слова его дѣлаетъ подобными стремительнымъ потокамъ, отъ разтаянія снѣговъ разливающимся. Итакъ да никто изъ смертныхъ не дерзаетъ съ нимъ рав-

няться: его будутъ люди всегда почитать за мужа выше человѣка. Такой силѣ и стремительности въ Периклѣ удивляется Евполисъ, и которыя Аристотель громовымъ стрѣламъ уподобляетъ. Вотъ истинный даръ слова!

Но не должно думать, будто бы въ сихъ только трехъ родахъ заключалось Краснорѣчіе. Ибо какъ между родомъ легкимъ и родомъ сильнымъ есть еще третій, средній между обоими; такъ и сіи имѣютъ свои степени, да и между сими степенями есть нѣчто смѣшанное, и между ими среднее: есть и въ легкомъ слогѣ нѣчто полнѣе или легче, и въ сильномъ есть иное умѣреннѣе или стремительнѣе, такъ какъ и слогъ средній иногда или возвышается, или понижается: по сему есть почти безчисленное множество видовъ, кои чѣмъ нибудь различаются между собою. Равно какъ вообще говоримъ, что есть четыре вѣтра, дующіе съ четырехъ краевъ свѣта, а между тѣмъ находится много среднихъ, кои заимствуютъ качество свое отъ разности странъ и рѣкъ, откуда дуютъ, имѣютъ направленіе. Тоже у музыкантовъ, кои, опредѣливъ для лиры только пять тоновъ, разными еще другими наполняютъ промежутки въ звукахъ струнъ, прибавляя къ симъ еще новые отголоски, такъ что всѣ сіи малые переходы имѣютъ многія степени.

Равно и Краснорѣчіе имѣетъ много видовъ; но было бы ни съ чѣмъ несообразно опредѣлять, къ какому изключительно обратиться долженъ Ораторъ, когда каждый видъ, лишь бы только не отступалъ отъ правильности, имѣетъ свое собственное употребленіе; Оратору равно принадлежитъ все то, что обыкновенно называется родомъ Краснорѣчія; онъ можетъ употреблять всѣ роды, по востребованію надобности, не только въ цѣлой рѣчи, но и въ частяхъ ея.

Ибо какъ не льзя ему говорить одинакимъ образомъ и за человѣка, обвиняемаго въ уголовномъ преступленіи, и при тяжбахъ о наслѣдствѣ, и при наложеніи запрещенія на имѣніе, и при представленіи ручательствъ, и при доказательствѣ истинныхъ или подложныхъ займовъ; то и долженъ знать и наблюдать средину между Сенатомъ, народнымъ собраніемъ, и частными сдѣлками, и слѣдовательно примѣняться къ лицамъ, мѣстамъ и времени: старацься пріобрѣсть благосклонность, но не одинаковыми средствами, подвигнуть на гнѣвъ или сострадание, но не одинаковыми побужденіями; и употреблять иныя пособія для объясненія дѣла, иныя для произведенія впечатлѣній.

Не одинаковаго слога держаться надлежитъ въ Приступѣ, Повѣствованіи, въ Изложеніи доказательствъ, Отступленіяхъ и Заключеніи. Одинъ

и тотъ же Ораторъ можетъ говорить тономъ важнымъ, строгимъ, стремительнымъ, сильнымъ, настоятельнымъ, огорчительнымъ, укоризненнымъ, скромнымъ, умѣреннымъ, кроткимъ, ласковымъ, вкрадчивымъ, тонкимъ и вѣжливымъ, но не всегда и вездѣ, а только гдѣ и когда потребуетъ благоприличіе. Тогда достигнетъ онъ той цѣли, для коей изобрѣтено Краснорѣчіе, то есть, придетъ въ состояніе словомъ своимъ приносить пользу и успѣвать въ предположенныхъ намѣреніяхъ: тогда заслужитъ не только отъ ученыхъ, но и отъ простыхъ людей одобреніе.

Ибо весьма ошибаются тѣ, кои думаютъ, что простонародію болѣе нравится тотъ испорченный и погрѣшительный родъ Краснорѣчія, въ которомъ вольныя выраженія проскакиваютъ, и который или дѣтскими остротами отличается, или неумѣреннымъ пареніемъ вздымается, или въ пустыя общія мѣста вдается, или блеститъ цвѣточками, при легчайшемъ прикосновеніи опадающими, или вмѣсто высотъ въ стремнины упадаетъ, или подъ видомъ свободы и вольности безумствуетъ, хотя и почитаютъ оный удобнѣйшимъ для снисканія народнаго одобренія и уваженія.

Впрочемъ я не отрицаю и не дивлюсь, что многимъ родъ сей нравится: съ нимъ соединена

какая-то красота и пріятность; всякое слово имѣетъ какую-то естественную приманку; отъ сего-то народъ во множествѣ толпится на площадяхъ народныхъ; и тѣмъ менѣе дивиться должно сему, что для всякаго Оратора вѣнецъ готовъ отъ простаго народа. Всякое слово, каково бы оно ни было, но нѣсколько поотборнѣе, приводитъ невѣждъ въ удивленіе; да и не безъ причины; ибо и то для всякаго не легко.

Но все сіе изчезаетъ при сравненіи съ лучшимъ: какъ ткань, окрашенная простою краскою, дотолѣ только нравится, доколѣ не сравнишь съ пурпуромъ: но ежели приложишь къ ткапямъ огненнаго цвѣта, то пропадетъ и малѣйшая красота отъ большей, какъ говоритъ Овидій. Если же внимательнѣе разсмотрѣть сіе нелѣпое Краснорѣчіе, то найдешь тоже различіе, какое есть между ложною краскою и пурпуромъ: тогда то, что обольщало, приметъ истинную, настоящую свою наружность, потеряетъ блескъ, и покажется отвратительнымъ. Итакъ пусть блещетъ такое Краснорѣчіе въ отсутствіи солнца, какъ нѣкоторыя малыя насѣкомыя представляются во мракѣ искрами огненными. Словомъ, худое многіе хвалятъ, хорошаго никто не похулитъ.

Всѣ сіи правила долженъ Ораторъ исполнять не только наилучшимъ образомъ, но и со все-

возможною удобностію и легкостію. Ибо верхъ въ Краснорѣчіи будетъ еще не такъ завидѣнъ, ежели Ораторъ до конца жизни своей будетъ только корпѣть и мучиться надъ выборомъ словъ, надъ ихъ знаменованіемъ и расположеніемъ. Онъ долженъ обладать всѣми дарами Краснорѣчія: быть высокъ и обиленъ. Ибо, взошедъ на высоту, обыкновенно освобождаемъ себя отъ усилій: трудъ предлежитъ только восходящему на верхъ: впрочемъ, чѣмъ далѣе поступаешь, тѣмъ ровнѣе, обильнѣе и веселѣе поприще становится. И ежели все сіе побѣдишь постояннымъ прилѣжаніемъ, то плоды произрастутъ сами собою безъ всякаго воздѣлыванія: но надобно собирать ихъ каждодневно; а безъ того они сохнутъ и опадаютъ.

Но и самое обиліе должно имѣть мѣру, безъ которой нѣтъ ничего ни похвальнаго, ни полезнаго; и украшенія должны быть мужественныя, а Изобрѣтеніе основываться на здравомъ разсудкѣ. Такимъ образомъ слогъ нашъ будетъ величественъ, но не надутъ; высокъ, но не отрывистъ; силенъ, но не дерзокъ; строгъ, но не унылъ; важенъ, но не медленъ; забавенъ, но не раскошествующъ; пріятенъ, но безъ небрежности; полонъ, но безъ надутости; тѣмъ же будутъ означенованы и другія части рѣчи. Всего безопаснѣе и лучше держаться средины: ибо въ крайностяхъ порокъ заключается.

ГЛАВА XI.

КАКІЯ ЗАНЯТІЯ ПРИЛИЧНЫ ОРАТОРУ, ОСТАВИВШЕМУ СВОЕ ПОПРИЩЕ. УВѢЩАНІЕ КЪ ЮНОШЕСТВУ, УЧАЩЕМУСЯ КРАСНОРѢЧІЮ.

I. Ораторъ долженъ оставлять свое поприще, прежде ослабленія силъ своихъ — Тогда займется образованіемъ юношества. II. Приводитъ причины, почему отъ Оратора требуетъ и добродѣтели и великаго свѣденія въ наукахъ. — Добродѣтель состоитъ наиболѣе въ волѣ.—Пріобрѣсть обширныя свѣденія въ наукахъ имѣемъ достаточно времени.— Доказываетъ примѣрами многихъ, что можно всему научиться. III. Увѣщеваетъ юношество прилѣжать къ наукѣ Краснорѣчія.

I. Ораторъ, сдѣлавъ употребленіе изъ таковыхъ совершенствъ Краснорѣчія въ судахъ, въ совѣтахъ, собраніяхъ народныхъ, Сенатѣ и во всѣхъ должностяхъ добраго гражданина, положитъ и конецъ трудамъ своимъ, достойный честнаго мужа и важности своего служенія, не по

тому, будто бы быть полезнымъ можно назначить опредѣленное время, или бы человѣку съ такими расположеніями и способностію не приличествовало упражняться въ толь похвальномъ дѣлѣ, сколько можно долѣе; но для того, что ему нужно остеречься, дабы не сдѣлать чего хуже, нежели какъ прежде дѣлалъ. Ибо Оратору потребно не одно знаніе, которое съ лѣтами умножается; ему надобна тѣлесная крѣпость и твердость голоса: если же сіи пособія или отъ старости или отъ болѣзни ослабѣвать начнутъ, то должно опасаться, что и величайшій Ораторъ можетъ обнаружить нѣкоторые свои недостатки, прервать рѣчь отъ усталости, или произносить слова не яснымъ голосомъ, или часто забываться.

Я примѣчалъ самъ, какъ Домицій Аферъ, одинъ изъ превосходнѣйшихъ и мнѣ извѣстныхъ Ораторовъ, пришедъ въ глубокую старость, каждодневно терялъ къ себѣ уваженіе, прежде имъ достойно заслуженное, такъ что, когда онъ говорилъ, онъ, который нѣкогда почитался первымъ украшеніемъ Ораторской каѳедры, тогда иные смѣялись, (на что смотрѣть было досадно), а другіе отъ стыда краснѣли: сей случай заставлялъ говорить, что онъ желаетъ пасть лучше, нежели перестать. Правда, что рѣчи его не были худы, но только уже не такъ хороши, какъ

прежнія. Для сего-то прежде, нежели подкрадется къ намъ старость, надлежитъ подумать объ отступленіи, и убраться въ пристанище, пока корабль еще цѣлъ и невредимъ.

Ибо, и сдѣлавъ сіе, не потеряетъ онъ плодовъ своего ученія. Онъ или будетъ описывать событія своего времени для преданія потомству, или, какъ Л. Крассъ, по словамъ Цицерона, дѣлалъ въ старости, станетъ изъяснять прибѣгающимъ къ нему затруднительныя статьи въ Правовѣденіи, или изложитъ правила Краснорѣчія, или уста свои отверзетъ на произнесеніе убѣдительныхъ наставленій въ нравственности. Домъ его будутъ посѣщать, по обычаю древнихъ, благонравные юноши для полученія отъ него, какъ отъ Прорицалища, отвѣтовъ о истинномъ Краснорѣчіи. Онъ будетъ наставлять ихъ самъ, какъ бы былъ отецъ Краснорѣчія, и, какъ старый и опытный кормчій, покажетъ берега и пристанища, растолкуетъ признаки непогодъ, научитъ, что̀ дѣлать надобно при вѣтрахъ попутныхъ и противныхъ: онъ приметъ сіе на себя не только по общему чувствію человѣколюбія, но и по оставшейся еще привязанности къ бывшему званію. Ибо никто не захочетъ упадка тому искуству, въ которомъ предъ всѣми отличался. И что можетъ быть честнѣе и благороднѣе,

какъ научать другихъ тому, что самъ наилучшимъ образомъ знаешь?

Такъ приведенъ былъ Целій отцемъ своимъ къ Цицерону, какъ сей самъ о томъ говоритъ. Такъ наставлялъ онъ Пансу, Гирція, Долабеллу, по обычаю настоящихъ учителей, повсядневно съ ними говоря и ихъ выслушивая. Не знаю, не должно ли почитать самымъ блаженнымъ положеніе человѣка, который, удалившись отъ большаго, какъ говорится, свѣта, и посвятивъ себя уединенію, не боится ни зависти, ни досадъ: онъ видитъ славу свою въ безопасности, заживо чувствуетъ то уваженіе, какое обыкновенно оказывается къ умершимъ, и знаетъ уже предварительно, какъ будутъ судить о немъ потомки. Признаюсь, что и самъ я, при всей посредственности моихъ способностей и при небольшихъ свѣденіяхъ, какія могъ пріобрѣсть для составленія сей книги, сообщаю просто и откровенно читателямъ, въ надеждѣ принести имъ пользу, когда будутъ имѣть къ тому добрую волю. Да и довольно для честнаго человѣка, когда онъ показалъ, что̀ самъ знаетъ.

II. Я опасаюсь однако, чтобъ или не показались кому требованія мои слишкомъ далеко простертыми: то есть, хочу, чтобъ одинъ и тотъ же человѣкъ былъ примѣрной честности и силенъ въ словѣ: или что прибавляю много

излишняго къ тѣмъ наукамъ, какимъ надлежитъ учиться въ юности, и требую знанія въ Философіи, свѣдѣнія въ Правѣ Гражданскомъ, кромѣ правилъ, относящихся къ одному Краснорѣчію. Я опасаюсь еще, чтобы то, что почитаю необходимымъ для Оратора, не отвратило отъ себя учащихся, какъ дѣло неудобоисполнимое, и не привело ихъ въ отчаяніе прежде, нежели сдѣлаютъ надъ собою опытъ.

Но дѣлающіе такое возраженіе да представятъ себѣ вопервыхъ, сколь велика сила человѣческаго разума; и чего исполнить онъ не можетъ, когда захочетъ: и моря преплывать, познать теченіе и число звѣздъ, и измѣрять почти весь свѣтъ, былъ въ состояніи; въ чемъ заключается менѣе важности, но болѣе трудности. Да помыслятъ они потомъ о благородствѣ цѣли, для достиженія коей никакого труда жалѣть не должно. Ежели будутъ имѣть всегда въ мысляхъ плодъ, произойти отъ того могущій, то должны они и въ семъ согласиться со мною, и самый путь, ведущій къ совершенству въ Краснорѣчіи, перестанетъ имъ казаться непроходимымъ, ни даже безмѣрно труднымъ.

Ибо что касается до того, чтобъ быть честнымъ человѣкомъ, въ чемъ и дѣйствительно состоитъ первое и важнѣйшее качество Оратора, сіе зависитъ большею частію отъ воли: кто

быть таковымъ искренно пожелаетъ, тому не трудно постигнуть правила, которыя учатъ добродѣтели: онѣ не такъ многосложны или многочисленны, чтобы не льзя было, при надлежащемъ стараніи, затвердить ихъ въ немногіе годы. Ибо кажется продолжительнымъ такое только дѣло, къ коему нѣтъ охоты. Въ короткое время можно узнать средство, какъ сдѣлаться честнымъ и быть счастливымъ; потребна на то одна добрая воля. Природа произвела насъ на доброе, и такъ легко перенимать хорошее, когда искренно сего желаемъ, что по истинѣ надлежитъ удивляться болѣе тому, что такъ много людей порочныхъ. И дѣйствительно, какъ вода рыбамъ, земля животнымъ земнороднымъ, воздухъ птицамъ свойственны: такъ точно опредѣлено и намъ удобнѣе и пріятнѣе жить подъ законами природы, нежели внѣ оныхъ.

Для прочихъ же наукъ, и отложивъ лѣта старости, а взявъ только юный возрастъ, найдемъ еще довольно времени для ученія. Ибо все сокращается посредствомъ порядка, способа преподаванія, и наблюденіемъ во всемъ средины. Но первая въ томъ вина падаетъ на учителей, кои охотно удерживаютъ отрока, или изъ корыстолюбія, т. е. чтобы долѣе получать за него плату, или изъ тщеславія, дабы показать, что преподаваемое ими ученіе очень трудно, или нако-

нецъ по недостатку качествъ способнаго и рачительнаго наставника. Вовторыхъ, виноваты сами учащіеся, кои почитаютъ за полезнѣйшее останавливаться долѣе на томъ, что̀ уже знаютъ, нежели учиться тому, чего еще не знаютъ.

Ибо, чтобъ сказать нѣчто о нашемъ образѣ ученія, къ чему служитъ то, весьма многими принятое, обыкновеніе, чтобъ нѣсколько лѣтъ (не говоря уже о тѣхъ, кои бо́льшую часть жизни своей въ томъ проводятъ) употреблять на школьныя Декламаціи, и полагать столько труда на предметы, ложно выдуманные, когда можно въ короткое время познать правила Краснорѣчія, и дѣлать по онымъ опыты надъ истинными произшествіями? Я не говорю, чтобъ не нужно было упражненіе, но что состарѣться надъ однимъ родомъ онаго безполезно. Ибо могли бы узнать между тѣмъ и обязанности гражданской жизни, и извѣдать силы свои въ настоящемъ судилищномъ мѣстѣ, а мы остаемся еще все школьниками.

Наука Краснорѣчія не такова, чтобъ для успѣховъ въ ней требовалось много лѣтъ. Ибо каждая изъ тѣхъ наукъ, о которыхъ я упомянулъ, преподается обыкновенно сокращеннымъ образомъ; почему не нужно для нихъ ни обширныхъ толкованій, ни продолжительнаго времени. Прочее пріобрѣтается упражненіемъ и навыкомъ

укрѣпляется. Познаніе въ дѣлахъ умножается само собою повсядневно; однако нужно прибавить къ сему чтеніе многихъ книгъ, въ которыхъ примѣры подобныхъ случаевъ излагаются Историками, а какъ поступать въ нихъ, служатъ образцомъ Ораторы. Нужно также при чтеніи не оставлять безъ замѣчанія различныхъ мнѣній, какихъ держались Философы и Правовѣдцы, какъ и прочаго сему подобнаго.

Все это есть дѣло возможное: но мы сами сокращаемъ потребное для сего время. Какъ мало удѣляемъ его на ученіе! Иные часы проходятъ въ безполезныхъ посѣщеніяхъ, иные въ пустыхъ расказахъ, иные на зрѣлищахъ, иные на пиршествахъ? Прибавьте къ сему разные роды игоръ и несмысленное попеченіе о украшеніи тѣла. Охота къ путешествіямъ, занятія по загороднымъ домамъ, заботливые расчеты по дѣламъ домашнимъ, вино, любовь, и другія всякаго рода непозволенныя забавы также отнимаютъ у насъ много времени. Да и оставшіеся послѣ того часы не удобны для ученія. А ежели бы мы все сіе время употребляли на ученіе, нашли бы себя долговѣчными и съ избыткомъ имѣющими досугъ упражняться въ наукахъ, когда бы только дневное время обратить на сіе захотѣли: а ночи, которыя для сна слишкомъ достаточны, еще были бы въ запасѣ на случай. Мы только

считаемъ число лѣтъ, которые прожили, а не тѣ годы, кои проведены понапрасну. А что нѣкоторые Геометры, Грамматики и другіе ученые занимались во всю жизнь, сколь долголѣтна ни была она, одною какою ниесть наукою, изъ того не слѣдуетъ, чтобъ намъ нужны были многія, такъ сказать, и жизни для изученія многаго. Да и они учились сему не до старости, а довольствовались только пріобрѣтенными знаніями, и прожили столько лѣтъ не въ ученіи, но въ употребленіи того, что знали. Впрочемъ не буду въ примѣръ приводить Гомера, въ которомъ слѣды всѣхъ наукъ или совершенные, или по крайней мѣрѣ несомнительные находятся; умолчу о Гиппіѣ Елейскомъ, который былъ не только свѣдущъ въ словесныхъ наукахъ, но даже умѣлъ шить для себя платье и обувь, сковать кольцо; словомъ, все, что ни нужно было для его употребленія, было дѣлано собственными его руками; онъ хотѣлъ, чтобъ ни въ комъ и ни въ чемъ не требовать отъ другаго помощи; намъ извѣстно, что Горгіасъ, мужъ престарѣлый, позволялъ своимъ слушателямъ вопрошать себя вообще обо всемъ, о чемъ кто захочетъ. Какихъ познаній недоставало Платону? Сколько лѣтъ употребилъ Аристотель на ученіе, дабы къ обширнымъ своимъ свѣдѣніямъ не только присовокупить то, что прямо относится къ Философіи

и Краснорѣчію, но и изслѣдованіе всѣхъ свойствъ въ животныхъ и растѣніяхъ? Все сіе древнимъ надлежало изобрѣтать, а намъ остается только пользоваться ихъ изобрѣтеніями. Толь много наставниковъ и образцевъ доставила намъ Древность, что мы не могли, кажется, родиться въ счастливѣйшій вѣкъ, каковъ нашъ, о просвѣщеніи коего трудились всѣ предшествовавшіе вѣки.

М. Катонъ, Ценсоръ, былъ и Ораторъ, и Историкъ, и Законовѣдецъ, и самый искусный человѣкъ въ земледѣліи: между военными обстоятельствами, между неустройствами домашними, во времена безпокойныя, выучился Греческому языку уже въ лѣтахъ преклонныхъ, дабы доказать людямъ, что и въ старости можно научиться всему, лишь бы пришла охота. Сколь много и почти обо всемъ писалъ Варронъ! Какой предметъ укрылся отъ краснорѣчія Туллія? Но что много? когда Корнелій Цельсъ, человѣкъ впрочемъ съ посредственными дарованіями, не только писалъ о всѣхъ сихъ наукахъ, но еще оставилъ обширныя наставленія въ дѣлѣ военномъ, о сельскомъ домоводствѣ и врачебномъ искуствѣ? По одному благонамѣренному предпріятію своему уже заслуживаетъ, чтобъ почесть его все то знающимъ.

III. Но, скажутъ мнѣ, достигнуть такого совершенства трудно, и еще никто не достигалъ онаго. Я вопервыхъ отвѣтствую, что для побужденія себя къ пріобрѣтенію успѣха въ наукахъ довольно и того, что отнюдь не сходно съ природою вещей полагать того вовсе невозможнымъ, чего еще не сдѣлано: поелику всѣ великія и удивительныя произведенія человѣческія имѣли нѣкоторое время, прежде нежели совершились. Ибо сколько Поэзія возрасла послѣ временъ Гомера и Виргилія, столько же высоко вознеслось Краснорѣчіе отъ Димосѳена и Цицерона. Словомъ, все, что ниесть лучшаго, прежде не существовало.

Да хотя бы кто совершенно успѣть отчаялся (я не вижу однако, для чего бы отчаяваться въ семъ тому, у кого есть разумъ, здоровье, дарованія и хорошіе наставники), по крайней мѣрѣ и то славно, какъ говоритъ Цицеронъ, чтобъ занимать второе и третіе мѣсто. Ибо кто не можетъ въ военныхъ доблестяхъ сравниться съ Ахиллесомъ, не долженъ презирать славу, Аяксомъ или Діомидомъ снисканную: кто не достигъ совершенствъ Гомера, можетъ довольствоваться похвальными качествами Тиртея. Ежели бы всѣ такъ думали, и полагали, что не льзя быть лучше своего предшественника, то не было бы самыхъ лучшихъ Писателей, коимъ нынѣ по спра-

ведливости удивляемся: послѣ Лукреція и Макра не было бы Виргилія, послѣ Красса и Гортензія, Цицерона, да и впредь ожидали бы тщетно умовъ превосходнѣйшихъ.

Да хотя бы и не было большой надежды превзойти сихъ великихъ мужей, по крайней мѣрѣ славно идти по стопамъ ихъ. Полліонъ и Мессала, вступили на Ораторское поприще, тогда, когда уже Цицеронъ стоялъ на верху славы: но были ли они меньше уважаемы при своей жизни, и меньшее ли одобреніе заслужили отъ потомковъ за свои творенія? А иначе, значило бы оказать человѣчеству весьма худую услугу, когда бы науки, доведенныя до нѣкоего совершенства, были такого свойства, что, достигнувъ сего совершенства, исчезать долженствовали.

Прибавьте къ сему, что и посредственное краснорѣчіе великія выгоды приноситъ: и ежели судить по плодамъ, отъ него приносимымъ, то оно почти равняется съ совершеннымъ краснорѣчіемъ. Не трудно доказать древними и новыми примѣрами, что никакое званіе не доставляло людямъ столько славы, почестей, богатства и друзей въ настоящемъ и въ будущемъ времени: ежели только совмѣстно съ достоинствомъ ученаго человѣка ожидать сей малой выгоды отъ толь прекраснаго дѣла, которое само собою при-

носитъ полное удовольствіе, точно такъ, какъ видимъ на тѣхъ (*), кои говорятъ, что они не добродѣтелей, а удовольствія, отъ добродѣтелей происходящаго, ищутъ.

Итакъ да возлюбимъ всею душею науку Краснорѣчія, сей божественный даръ, ниспосланный съ небесъ человѣкамъ, безъ котораго все было бы нѣмо въ природѣ, и ничто не озарялось бы свѣтомъ настоящимъ, и ничто не доходило бы до потомства: постараемся всѣ стремиться къ совершенству: симъ средствомъ или достигнемъ высокой цѣли, или, безъ сомнѣнія, многихъ ниже себя оставимъ.

Вотъ наставленія, Марцеллъ Викторій, которыя, по возможности силъ моихъ изложилъ я въ пособіе учащимъ и учащимся Краснорѣчію: онѣ молодымъ людямъ, любящимъ ученіе, если не принесутъ великой пользы, по крайней мѣрѣ внушатъ имъ охоту къ оному; чего наиболѣе желаю.

Конецъ второй и послѣдней части.

(*) Разумѣетъ Епикурейцевъ, кои говорятъ, что надобно дѣлать добро не изъ любви къ одной добродѣтели, а только ради удовольствія, отъ нее происходящаго.

ПОПРАВКИ КО 2-й ЧАСТИ.

Стран.	строк.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
1.	16.	расположила	расположила
—	19.	по	по-
30.	25.	под	под-
34.	23.	затѣмняютъ	затемняютъ
53.	20.	похвалы	похвалы
95.	4.	соглались	согласились
125.	6.	бышь	бышь
134.	3.	παῤῥησια.	παῤῥησία
144.	7.	совсѣм	совсѣмъ
161.	23.	чшо	чшо
162.	21.	ισόκωλον	ἰσόκωλον
189.	5.	Бахій	Бакхій
193.	1.	некогда	нѣкогда
—	2.	принебрегши	пренебрегши
195.	2.	нечего	нѣчего
197.	18.	асли	если
220.	26.	ему	ему,
242.	25.	своmъ	своемъ
250.	6.	пристращатьси	пристращаться
312.	12.	кто,	кто будетъ порицать,
331.	16.	нераденіе	нерадѣніе
333.	20.	Сардинецъ презираетъ	Сардинцевъ презираетъ,
338.	5.	зависила	зависѣла
340.	26.	намекаетъ,	намѣкаетъ
—	28.	и	или
341.	3.	разпространилъ	распространилъ
343.	26.	съ	въ
347.	17.	Урсисъ	Урсусъ
351.	12.	нераденіе	нерадѣніе

Стран.	строк.		
352.	16.	силы прибавляется,	силы,
389.	9.	произноситъ	произносятъ
422.	2.	открываетюя	открывается
428.	10.	человѣками.	человѣками?
432.	7.	затменія	затмѣнія
—	11.	Орашора	Оратора
—	21.	Ификою	Иѳикою
447.	18.	не боишся	не боится
455.	19.	о своемъ	о его
458.	16.	безвомѣздія	безъ возмездія
465.	1.	Какъ	Какъ врачъ
476.	6.	стойтъ	стóитъ
488.	7.	V	Ѵ
490.	20.	къ словамъ	съ словами